

A woman with long, light-colored hair is shown in profile, looking down. Her face is softly lit from the left, creating a warm, golden glow. The background is dark and textured, suggesting a cave or a rocky interior. The overall mood is mysterious and intimate.

Людмила Попова

В свете волшебного фонаря

Онлайн Книга

Людмила Попова

В свете волшебного фонаря

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57088333

В свете волшебного фонаря / Людмила Попова: ИП Яковлев.; Москва;

2015

ISBN 978-5-9906370-2-3

Аннотация

«В свете волшебного фонаря» – третья книга интересного современного прозаика Людмилы Поповой, которая в жанровом фокусе мистического реализма высвечивает психологические грани человеческой души и преобразует в слове, возникающие светотени реальности, создавая свои произведения смещением прошлого и будущего в настоящем времени, где действующим лицом может стать любой прохожий, высвеченный в толпе её волшебным фонариком, и практически любой из нас.

Содержание

1. Сход лавины	4
Пролог	4
1-я часть	5
2-я часть	11
3-я часть	17
4-я часть	22
5-я часть	29
6-я часть	32
7-я часть	37
8-я часть	49
9-я часть	55
10-я часть	60
11-я часть	69
12-я часть	75
13-я часть	78
14-я часть	81
13-я часть	87
13-я часть	91
14-я часть	98
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Людмила Попова

В свете волшебного фонаря

1. Сход лавины

Пролог

У меня есть волшебный фонарь. Наведёшь на человека – увидишь всю его жизнь, и прошлую, и настоящую...

Поток людей. На кого навести? На эту яркую девицу, выглядывающую из окна новенького джипа? Или вон на ту, бледненькую, с острым носиком и умными глазками, торопливо бегущую вдоль тротуара? Несомненно, в судьбе и одной, и другой найдётся что-то интересное. А может засветить старика, послушно плывущего с толпой, словно щепка в весеннем потоке? Как он жил, сколько узнал удач и неудач?

Постойте. А это кто ещё? Если не ошибаюсь, – кавказец. Молодой, осанистый. Идёт, улыбается. Все озабоченные, усталые, недовольные, а этот улыбается. Надо же счастливчик! Чему радуется? Давайте посмотрим, откуда взялся и что делает в Москве этот жизнерадостный кавказец? Вам любопытно? И мне тоже. Навожу волшебный фонарь... так... так... так...

1-я часть

Дагестанский городок на берегу Каспия. Денёк по-летнему жаркий, ни ветерка, ни облачка на синем небе.

Оживлённый, подобно муравейнику, южный рынок: народ выбирает черешню, абрикосы, алычу, томаты, огурцы, зелень. Снуют туда-сюда деловитые Жигули. На остановке ждут автобуса. Два молодых милиционера следят за порядком: Сергей и Рустам. Рустам – наш знакомый, потомственный мент по отцу и деду.

Отец всегда пропадал на службе. Вырос под присмотром и влиянием деда, забывающего про болезни и старость благодаря внуку. Оба заядлые любители прогулок в горы, где наслаждались окружающими красотами, пили живую воду из родника, а Рустам непременно карабкался по камням на вершину смотровой башни.

– Только смотри, осторожней! – кричал дед, задрав голову. – Теперь взгляни направо! Видишь два кольца дороги? Часовой на башне видел приближение неприятеля за много вёрст...

Как мечтал Рустам найти среди камней старинный пистолет или клинок! Пусть ржавый, он бы начистил до блеска, чтобы похвалиться перед ребятами. Но увы...

– Столько тут народу прошло до тебя! – усмехался в усы дед. – Давно всё собрали.

На привале дед рассказывал древние легенды, которых знал великое множество. Детское воображение рисовало суровых бородачей в бараньих папах, на скаку срубавших саблями неприятельские головы, как цветки ромашек. При упоминании о женщинах Рустам тотчас представлял мать, которую считал несравнимой красавицей. Самыми интригующими были рассказы об Имаме Шамиле. По словам деда, это был настоящий горец, непреклонный, как скала, неподкупный и чистой, как горный ручей.

Почему же он сдался на милость русского царя? – дознавался любознательный мальчуган.

Потому что не только мужеством Аллах его наградил, но и умом. Вот вы, сорванцы, на прошлой неделе перед несущимся на скорости грузовиком дорогу перебежали. Хотели смелость показать? Шамиль бы так не поступил. Ради чего рисковать? Чтобы калекой стать или умереть? Чтоб матери над вами плакали-убивались? То-то и оно! Шамиль долго против царских войск сражался. Полководец он был знатный, смекалку и всякие хитрости военные применял, но силы были неравные. Куда войску Шамиля до царской армии: и численность не та, и экипировка! Только родные горы помогали...

Однажды вышел Шамиль к Тереку и присел отдохнуть на камень. Долго глядел он на бурные потоки, несущиеся к Каспию и подумал: ручьи стремятся к рекам, а реки – к морю. Даже если пересохнет какой ручей или река от летнего зноя, в море его воды сохранятся. Выходит, так природой устрое-

но: малое вливается в большее, чтобы уцелеть. Да и царская Россия не была хищницей, как конкистадоры в Америке, поголовно уничтожавшие местное население, чтобы завладеть их землями. Россия усыновляла другие племена и народы, заботилась о них.

Что мог понять ребёнок из мудрых седых легенд?! Однако дедовы рассказы зарождали в нём чувство гордости за предков. Российский император Александр II принял Шамиля в Петербурге не как побеждённого, а с почестями как союзника и друга. По-братски обнял и поцеловал. Отвёл ему для жительства город Калугу. В парадном зале калужского губернского дворянского собрания Шамиль вместе с двумя сыновьями Гази-Магомедом и Магомедом-Шани в торжественной обстановке принёс присягу на верность России. Некоторое время спустя за верность данному слову Высочайшим указом Шамиль был возведён в потомственное дворянство. После Калуги Шамиль получил от императора резиденцию в Киеве. В конце жизни, получив разрешение Александра II, он выехал в Мекку для паломничества. После совершения хаджа посетил Медину, где и скончался на святой для мусульман земле. Похоронен в Медине, на кладбище Аль-Бакия. Не каждому Аллах дарует такую судьбу и кончину, а только за большие заслуги...

В школьные годы на экскурсии в Дагестанский краеведческий музей в Буйнакске (бывший Темир-Хан-Шура) узнал

Рустам ещё одну удивительную личность: Ивана Семёновича Костемеровского, русского полкового лекаря, служившего на Кавказе. Накопленные за всю жизнь 30 тысяч царских рублей (по тем временам громадные средства), он завещал на просвещение и здравоохранение горцев. Вот же бескорыстная и щедрая душа! Можно ли о таком забыть?! На его деньги были построены и содержались ремесленное училище, женская гимназия, народные школы, а также первый музей об истории, географии и племенах Кавказа. Один человек, а сколько сделал доброго! Если бы все так поступали!

Эти две личности, кавказец и русский, навсегда оставили след в душе Рустама.

Тогда была традиция – дарить книги за хорошую учёбу, на день рождения. Дарили учителя в школе, отец с матерью, дед, одноклассники и друзья, таким образом у Рустама накопилась приличная библиотека.

На родительские собрания обычно ходил дед. Он же не уставал организовывать кружки и состязания: самбо, домино, шашки, нарды, шахматы. Старался ради внука и его приятелей-сорванцов, чтоб не баловались, а занимались чем-то полезным.

К сожалению, в последнее время дед стал заметно слабеть. Не хотелось думать, что однажды его не станет, как не стало милой бабули с её ласками и несравненными угощениями. Почему нельзя подарить дорогим людям бессмертие?!

... Близился конец дежурства.

Из раздумий вывели неожиданные крики о помощи. На автобусной остановке ранили ножом женщину. Люди держали пострадавшую под руки и звали милицию. А в сторону парка удирал, как нашкодивший пёс, парень в синей рубашке.

Рустам торопливо передал по рации напарнику: Срочно скорую! Ножевое ранение на остановке. И закричал вдогонку преступнику: Стооой! Стрелять буду!

Бандит ещё шибче припустил к воротам парка. По выходным там собиралось много народу. Попробуй, найди иголку в стог сена!

Предупредительный выстрел в воздух. Прохожие замерли, почуяв опасность. Бандит уже у ворот. Рустам прицелился в ногу, нажал курок...

Парень лежал носом в землю, не шевелясь. Может, притаился и ждёт, чтобы неожиданно нанести удар.

– Не шевелись, застрелю! – предупреждает Рустам.

Странно! На ногах бандита ни раны, ни крови.

– Отдай нож! Положи сбоку!

Никакой реакции.

Подоспел Сергей. Подъезжает милицейская машина. Бандита переворачивают на спину. Одежда на животе пропиталась кровью. Раненый злобно плюёт в сторону Рустама и закрывает глаза...

Как потом выяснилось, произошла разборка двух вражду-

ющих кланов. Одни для острастки ранили жену противника, другие оперативно уничтожили нападающего, предупредив: нас лучше не трогать! А всю вину ухитрились свалить на младшего из семьи ментов, которых оба клана одинаково боялись и ненавидели.

Когда судья зачитал обвинительный приговор Рустаму, сидящему на скамье подсудимых, дед прокричал:

– Держись, внучек, я найду правду! Мы и пострашнее врагов побеждали. Клянусь, не помру, пока тебя не выручу!

Впервые увидел Рустам, как дед плакал, вытирая слёзы узловатыми пальцами.

Больше чем от несправедливости, мучился Рустам от того, что не смог уберечь деда от страданий. А ведь поклялся сделать счастливыми его последние дни.

2-я часть

Лена

В ресторане «Голландская мельница» за столиком в углу сидели двое: один плюгавый и белобрысый, второй – щеголеватый красавец с чёрными усиками. Они о чём-то переговаривались, наклоняясь друг к другу, при этом белобрысый опасливо поглядывал в сторону Лены, обслуживающей столик. Она стояла поодаль, однако на таком расстоянии, чтобы без промедления убрать грязную посуду или окурок из пепельницы. Таков порядок. Работала она уже давно и исполняла свои функции почти машинально. К тому, что говорили клиенты, не прислушивалась. Зачем? Если слушать всю болтовню, голова распухнет за день. Одолевали собственные проблемы: успеть бы забежать в аптеку за лекарством для мамы, выкроить время, чтобы заглянуть в лекции перед занятиями.

Она училась на вечернем в Плешке. Дома готовиться не успевала и приучилась читать повсюду: в транспорте, за обедом на работе, даже в туалете. И сейчас, она глазела на клиентов, а сама напряжённо вспоминала материал, заданный к семинару.

Белобрысый не привык к ресторанам: ронял вилку, не

умел пользоваться ножом, сам тянулся к бутылке, чтобы налить, не дожидась официантки. Усатый, напротив, казался завсегдаем, вёл себя безупречно и вальяжно. Лена в очередной раз подлила в стаканы виски, добавила лёд.

– Ваше дело – пригонять машины по указанным адресам. Наше – снабжать номерами и документами. Машины брать строго по заказу. Никакой отсебятины. С этим очень строго. – Донесся до её ушей низкий голос усача.

– Конечно, как скажите, – поддакнул фальцетом собеседник, опасливо оглядываясь на Лену и с нетерпением ожидая, когда же она, наконец, отойдёт. Достала своей услужливостью.

Белобрысый пришёл первым. Неловко потоптался у входа, так что обслуга приняла его за случайного зеваку, который заглянул в ресторан только из любопытства. Когда же выбрал в глубине двухместный столик, подошедшая к нему Лена была совершенно уверена, что бедолага закажет кружку пива и, услышав цену, испуганно вытаращит глаза. Таких она уже повидала. Но нет. Этот взял меню, долго копался, расспрашивал и выбрал самое дорогое. Вот и суди по одежке! Позже подгрёб усатый. Вероятно, важный гусь, потому что белобрысый сразу засуетился, заёрзал на стуле, подскочил, снова сел, заискивающе улыбаясь и по-дурацки хихикая.

Вальяжный усач критически осмотрел расставленные закуски, заказал Лене сёмгу по-норвежски и, пошарив в кар-

манах, сделал гримасу: забыл сигареты в машине. Лена принесла его любимые, которые в ресторане стоили вдвое дороже, и зажигалку...

... Щеголь вытер рот и усы салфеткой, бросил перед плюгавым пухлый конверт и встал, намереваясь уходить. Его собеседник тотчас схватил конверт и, заглянув туда, проворно спрятал во внутренний карман пиджака. Тоже вскочил, по-японски отвешивая поклоны и протянув руку усатому. Однако тот не заметил протянутой руки и проворно удалился.

Белобрысый не очень-то огорчился. Снова уселся за стол, старательно доел всё, что осталось, обильно запивая виски. Но всю бутылку не смог одолеть. Расставаться с ней явно не хотел. Подозвал Лену и спросил, нельзя ли взять с собой. Лена принесла вместе со счётом пакетик для виски и едва удержалась от смеха, глядя, как незадачливый клиент старается запихнуть бутылку в карман брюк. Чудак с благодарностью принял пакет и оставил 500 рублей чаевых, многозначительно улыбаясь:

– За конфиденциальность.

Ей осталось только кивнуть на прощанье.

За сегодняшний день чаевых набежало с тысячу. Больше всех из официанток зарабатывала Юлька. Без сомнения, мужчин прельщала Юлькина внешность. Ей нередко назначали свидания, оставляли визитные карточки, просили позвонить.

Все эти знаки внимания не трогали Юльку. Посмеиваясь,

она рассказывала Лене, лучшей подруге, о новом воздыхателе, и выбрасывала визитку в корзину для мусора.

– Ну, зачем ты так? – удивлялась Лена. – Погоди выбрасывать, а вдруг хороший человек?

– Знаю я эти свидания. Всем им только одно нужно. Я уже пробовала знакомиться с двумя, такие на вид благородные... У них серьёзные отношения только с девицами своего круга. А я для них – никто. Пошли они все!

... Кончились занятия. Лена распрощалась с однокурсниками в метро и теперь ожидала автобус. Почему-то вспомнились слова подруги «девицы своего круга». На остановке ни души. Уже двенадцатый час ночи, в такое время транспорт становится особенно ленивым. Лена вздохнула. Присела на скамейку и пристроила рядом сумку. Слова про «свой круг» не выходили из головы. Это что же получается?! Лена живёт в доме, жильцы которого в основном – рабочие часового завода, сотрудники её родителей. Значит Федор, Федька, её сосед, – человек «её круга» и она не может рассчитывать на что-то лучшее? Лена на дух не переносила этого Федора, который уверенно заявлял, что она станет его женой. Молодой, а уже брюшко отрастил. Похоже, родился с банкой пива. Любит распускать руки. Шутит тупо и пошло. От одной мысли, что придётся делить постель с Федькой, становилось тошно. Лена мечтала совсем о другом парне. Такие, например, учились с ней в университете. Но у всех уже были девушки.

В ресторане тоже попадались симпатичные клиенты, однако на неё никто не обращал внимания. Она не была яркой, как Юлька. А молодость проходит. Ей уже двадцать один. Что ж оставаться с наглым Федькой, авось стерпится-слюбится?! Лена так глубоко погрузилась в мысли, что не заметила приближение какого-то типа и очнулась, когда тот, схватив её сумку, бросился бежать. Лена вскочила и с криками: «отдай сумку!» бросилась вдогонку. Ей бы ни за что не угнаться на высоких каблуках. Но кто-то ещё подходил к остановке, и вор угодил прямо ему в руки.

– Ого! – весело сказал мужчина. – На ловца и зверь бежит. Трофей поделим или хозяйке отдадим? Проверьте, девушка, всё ли на месте? – обратился он к Лене, отдавая сумку. Разбойника я забираю с собой, а вас прошу в ближайшее время зайти по этому адресу, – и подал визитку сотрудника МВД.

Теперь каждый день Рустам с нетерпением ожидал звонка или появления ночной незнакомки, чтобы, как он сам себя убеждал, составить протокол. Что в ней было особенного? Сколько таких красоток он перевидал на московских улицах: с тонкими ножками на каблуках, с длинными светлыми волосами. Да и вообще, в девушках он недостатка не испытывал. Думал, что через несколько дней всё перегорит.

Но как обрадовался и разволновался, когда она вошла в кабинет и, сощуриив близорукие глаза, посмотрела сначала на его напарника, потом на него!

– Я по поводу кражи на автобусной остановке...

– Да, да, – поспешно ответил Рустам. – Идите сюда! Садитесь, пожалуйста.

Взгляд у неё был открытый, как у ребёнка, а голос негромкий и нежный. Составляя протокол, можно было расспросить человека обо всём, и Рустам злоупотребил полномочиями. Сидевший напротив напарник и друг Алексей, посмеивался, прислушиваясь к разговору. Он понял Рустама и одобрил выбор. А бесхитростная и доверчивая девушка ничего не заметила.

– Звоните, если что понадобится, телефон у вас есть, – сказал на прощание Рустам и, проводив её взглядом до двери, подумал: «вряд ли позвонит».

– Да, позвонит, позвонит, никуда не денется, – буркнул как бы невзначай Алексей, деловито перекладывая на столе бумаги.

3-я часть

Голован и компания

Опять этот потрясный Мерс! Голован, замер у мусорного ящика, и разинув рот, наблюдал за маленьким юрким автомобилем, снующим в потоке машин, как форель в горной реке. Голыми руками не схватишь такого, куда там! Всякий раз при его появлении Голован испытывал ни с чем не сравнимый драйв. С детства он был помешан на машинах, и теперь этот миниатюрный Мерс стал его фаворитом. Ему бы такой! Эх, как бы он его обихаживал, каждую детальку неустанно протирал и смазывал! А ещё лучше – пару или тройку Мерсов. Он бы сдавал их на прокат. Надежным, аккуратным людям. Да, чего уж там! Ежели бы и повредили, он бы сумел восстановить. Любимое дело всегда спорится. Каждому человеку – дело по душе, то-то жизнь пойдёт на лад! Помогли бы осуществить желаемое, если не Бог, так государство. Почему бы государству не заботиться о гражданах умными законами, праведными кредитами, чтоб людей-умельцев поддержать?! Именно их трудами богатеет и укрепляется страна. Разве не так?...

Когда красавец-Мерс пропал из виду, Голован горько усмехнулся над своими несбыточными мечтами, протяжно

вздохнул: иэээх! И продолжил инспекцию мусорного бака.

Сегодня везуха: много всего нарыл.

Он направлялся к себе в подвал с набитым пакетом, предвкушая сытный обед, когда его окликнули. Узбек бежал следом, зажав под мышкой плюшевого слона, с которым никогда не расставался. Вообще-то он был русским и звали его Павел, Павел Петрович. Долгие годы прожил в Узбекистане. Таксист по профессии. Потеряв работу и всякую надежду её найти в Ташкенте, перебрался в Москву. Думал, что Россия, супердержава, не даст погибнуть блудному сыну. Мегаполис, всегда нуждается в рабочих руках. Уж онто постарается, лишь бы платили. Как-то не пришло в голову, что потребуется регистрация, а чтобы её получить требуется жилье, а на покупку или аренду жилья нужны деньги, которых ему как раз не доставало. Вот и стал Павел Петрович бомжом по прозвищу Узбек.

Голован обрадовался: перекусить в компании куда веселей, чем одному.

Когда Голован вытащил бутылку «Перцовки», опорожнённой лишь наполовину, глаза Узбека заблестели.

– А не позвать ли нам Профессора? Сообразим на троих. Давно такой удачи не выпадало.

Профессор был тоже бомжем. Получил прозвище от Голована с Узбеком за то, что помимо трепья и еды собирал на помойках журналы, газеты и книжки. Читал всё подряд: и стихи, и романы и даже философские трактаты.

– Ты хоть понимаешь, что читаешь? – с удивлением спрашивал на первых порах Узбек, заглядывая ему через плечо и пытаясь пробежать несколько строк.

– А как же! – торжественно отвечал Профессор и начинал объяснять. У приятелей просто дух захватывало: до чего ж умный! Настоящий профессор!

Итак, собрались втроём. Выпили без тоста, уже не ожидая счастливых перемен. Потянулись к закуске: грудинка, колбаска разная, солёные огурчики, копчёная скумбрия, ещё какая-то рыбка жареная. И хлебушек, чёрный и белый. Видать кто-то выкинул остатки с праздничного стола. Живут же люди!

– У меня дома жена и дети остались, – в который раз плакался Узбек, пропустив горячительное. – А я даже письма не могу написать: денег нет на конверт. Да и о чём напишу: работу не нашёл, рыщу по помойкам вместе с бездомными котами?!

– Умолкни уже, – с досадой перебил Голован. – Чего припёрся в Москву? Оставался бы в Збекистане. Жёнка, поди, уже кого-нибудь пригрела вместо тебя.

– Жену мою не тронь! Она – честная женщина.

– Честная! Ой, насмешил! Все бабы – подлый народ. Им только деньги давай. Я вон работал в автосервисе. Весь измотанный домой возвращался. И спина, и руки до утра гудят. А ей не жалко, лишь бы мани приносил. Как с работы вытурили, – собрала манатки и ушла. И всё, что я вот этими

руками заработал, к матери перевезла. А ты: жена, жена!

Голован сник. Тут заговорил Профессор.

– На то они и женщины, чтобы мужик на них работал. Ничего тут не поделаешь. Да. А от меня дети, родные дети отказались. Как я их любил! – Тут он всхлипнул, и, отвернувшись, смахнул рукой слёзы. – Пока работал, ничего не жалел. Захотели велосипед – пожалуйста, захотели магнитофон – пожалуйста. Потом компьютер появился, я и комп купил, а сам в одном костюме и в мир, и в пир. Ботинки починю, а новые, думаю, потом... Сердце мне грело, что они радовались. А если кто заболевает, я ведь самые лучшие продукты... Когда Ася была жива, мы вместе их чёрствость переносили. Одному совсем невмоготу стало.

– Сам виноват, – сказал Узбек, не поднимая головы, – нечего было так баловать: всё только для детей. Надо с пелёнок приучать, чтоб о родителях заботились. – А сам подумал: «Неужто мои, драгоценные, со мной так же обойдутся? Нет, мои лучше, такого не позволят». И вздохнул от тяжких мыслей.

– А у меня детей никогда не было, – вмешался Голован. – Я всегда об этом переживал, а теперь послушав Профессора, подумал: слава Богу! – Вишь, как с отцом родным обошлись! Ты сам-то откуда родом?

– Из Красноярска. Работал заведующим КБ, – ответил Профессор с гордостью.

– КГБ что ли? – переспросил Голован.

– КБ – Конструкторское бюро, – поправил Профессор. Мы там такие проекты... Впрочем, это не важно.

– В Москву зачем приехал? Работу искать? – спросил Узбек.

– Какую работу, я уже старый. Сестру хотел найти, да не нашёл. Может, умерла. Она постарше меня.

А может тоже по помойкам скитается, подумал Узбек, но вслух произнести не решился.

– Сестры тоже ненадёжные, – пробучал Голован. – По себе знаю. Не очень-то приютят. У них своя семья, опять же дети...

Насытившись и наговорившись, все трое задремали. Голован улёгся на коврик, найденный на свалке. Узбек устроился, подложив под голову слонёнка, в котором хранил документы. Профессор остался сидеть, прислонившись к тёплой трубе.

4-я часть

Павлин

Голован проснулся первым. Неизвестно, сколько прошло времени. Приспичило выйти наружу. Узбек и Профессор, пригревшись в тёплом углу, сладко храпели.

Справил нужду за гаражами и заметил у входа в подвал знакомую фигуру. Никак Павлин Иванович пожаловал. Что ему ещё надо?

Павлин Иванович, набирающий разгон предприниматель, для Голована казался большой величиной. Совсем недавно катался на задрипаном жигулёнке. Поменял жигулёнка на Волгу, а теперь разъезжает на Вольво. Авто не то чтобы новое, но всё-таки брендовая иномарка!

Павлин Иванович знал Голована ещё с той поры, когда тот жил с ним в одном подъезде, работал механиком в автосервисе и звали его Анатолий Григорьевич Голованов. Это теперь среди бомжей его кличут Голован, как школяра. Механиком он слыл отменным и прилично зарабатывал, но начал выпивать. В наказание его перевели на мойку машин. Он обиделся и окончательно спился. В итоге потерял работу, потом жену.

Но самую большую глупость он совершил, когда продал

квартиру приедем из бывшей союзной республики. Польстился на три тысячи долларов. Подумал: эка богатство привалило! Реально получил тридцать тысяч рублей, которые невероятно быстро растаяли. Родня приютить отказалась. Так оказался на улице, бездомный и никому не нужный.

Павлин обращался по старой дружбе, чтобы задешево помыть машину или сделать мелкий ремонт. Голован старательно выполнял поручения, всё-таки 30–50 р. на дороге не валяются, можно себя побаловать баночкой пива или пакетом молока с куском ароматного нарезного батона, только что из пекарни... Не всё же объедки из мусорки.

– Толя, Толя! – окликал Павлин Иванович, просунув голову в подвал, не решаясь зайти.

– Я здесь, – негромко отозвался Голован сзади.

Павлин обернулся. Вид у него был слишком озабоченный для мелкого поручения.

– Тут такое дело наметилось, – начал он.

Интуиция не обманула Голована, предполагалось что-то крупное.

– Зайдем к тебе, чтобы никто не подслушал, – продолжал Павлин.

– У меня там гости, но они спят. Можно поговорить в другом углу. Места много.

То, что услышал Голован, напугало и обрадовало. Во-первых, предлагалась постоянная работа и неслыханный зарабо-

ток: 300 зелёных в месяц. Только для начала! Если всё пойдёт, как намечено, – ожидай прибавки.

Во-вторых, нужны два напарника и значит можно задействовать приятелей. Голован, как старший в группе, должен организовать поделщиков.

Наконец-то, Господь услышал его молитвы. Теперь перед Голованом открывался путь к нормальной человеческой жизни. Надоело быть бездомным псом.

Но работёнка вырисовывалась рисковая. Даже слишком...

Голован стоял перед приятелями, раздумывая: разбудить или дождаться, пока проснутся сами. Желание поделиться распирающей радостью взяло верх. Растолкал Узбека и Профессора и в ответ на недовольное ворчание произнёс такое, что они вмиг проснулись, как от холодного душа.

– Пока вы тут дрыхли, я нашел кучу зелёных.

– Да ну? Где? – вскричали оба в один голос.

– Слушайте дальше, – интриговал Голован, хитро ухмыляясь. – Я вот голову ломаю, поделиться с вами али не стоит?

– Если честно, я бы не поделился, – хмуро сказал Узбек. –

С какой стати?! Кто нашёл, тот и взял.

– А я бы поделился, – подумав, произнес Профессор. – Сколько мы вместе мыкались, а как деньги выпали, – я вас больше не знаю?! Мы всё-таки друзья по несчастью, а не какие-нибудь отморозки.

– Отморозки! У вас никого нету, а у меня жена и дети

пропадают без помощи, – огрызнулся Узбек. И, обращаясь к Головану, сердито добавил: Врёшь ты всё!

– Так, разогрел я вас, а теперь перейдём к делу, – и Голован своими словами изложил предложение Павлина.

– У каждой иномарки – сигнализация, – засомневался Узбек. – И с замком сколько возни... А если милиция накроет? Я водить, к примеру, умею только Волгу, а у Мерса или Бумера – сплошная электроника.

– Значит так: нас обеспечат фишкой, которая нафиг отрубает всякую сигнализацию. Для вскрытия дверей дадут ключ – универсал. А что касается милиции, так именно она и будет нас крышевать.

Угонять на первых порах буду я, мне знакомы иномарки по автосервису. Узбека обучу, чтобы мог меня подменять. А ты, – обратился Голован к Профессору, будешь для отвода глаз вызывать милицию, действовать типа случайного свидетеля, чтобы путать следы.

Через пять минут нашу машинку закроют в гараже, а потом перегонят так далеко, что отсюда не видать, уже с другими номерами и техпаспортом. Даже цвет поменяют. Но это уже не наша головная боль.

Профессор сидел, опустив голову, и только Узбек, отец несчастного семейства, суетился и задавал вопросы.

– А какой навар?

– Триста баксов тебя устроит?

– За машину?

– В месяц.

– Маловато...

– У тебя есть что-то выгоднее? Вот то-то и оно. Выбирать не приходится. Пойманную рыбку выпускать не стоит. Когда дела наладятся, наваривать будем больше.

– Уговорил. Согласен, – поддакнул Узбек.

– Снимем жильё с душем, кухней, как у людей. Чтоб значит поесть нормально. Работка эта культуры требует, сами понимаете, помыться, одеться... Квартиру нам уже нашли, сегодня занимаем. Завтра махнём в Сток за одежей.

– Купим мыла, помоемся. Нажарим яичницы с ветчиной.

Пивка возьмем по бутылке. Нет, по две, а можно и по три ради такого случая, – размечтался Узбек.

– А ты чего молчишь? – спросил Голован Профессора.

– Я против, – ответил тот, не поднимая головы. – Это называется воровством. Если бы у меня угнали машину...

– Которой у тебя нет, – съязвил Узбек.

– ... я бы от инфаркта свалился, ей Богу. Зачем причинять людям зло?

– Не тринди! Где ты людей увидал? Все эти машины ворованные, если разобраться, – завёлся Голован. – За рулём иномарок сидят крутые пацаны: жульё, ворьё, киллеры. Нашёл, кого жалеть! Лучше не попадаться им на дороге, – раздавят, как червя, не остановятся даже. Ты в своем КГБ или как там его, много заработал? Говоришь, вкалывал, себя не жалел. Ночь-заполночь пахал. Где твой Джип или Феррари?

Дети выгнали, а тебе и пойти некуда. А знаешь, сколько у таких пацанов квартир?! Да каких! Не ты ли нам в журналах показывал?! И я, когда горбатился в автосервисе, много таких перевидал. Только вчера на горшке сидел, а уже несколько иномарок имеет! Новеньких.

Краска сияет, как зеркало, тонированные стёкла, салон из натуральной кожи... Да что там говорить?! Будем действовать по такому правилу: сначала они спёрли, потом у них.

– Нет, братцы, не обижайтесь, я – пас. Это не по мне. Лучше я на помойке промышлять буду. Не поминайте лихом.

И Профессор направился прочь из подвала.

Он брёл, согнувшись, к заброшенному долгострою, где обосновался в одной из комнат, с зияющими дырами вместо окон и дверей. Там спал, забившись в угол, на куче принесённого с помойки тряпья и со страхом думал о наступлении холодов. Конечно, однажды ночью он помрёт от переохлаждения, кровь превратится в лёд. Вспомнились слова Узбека: «купим мыла, помоемся в горячей воде... нажарим яичницы с ветчиной...» Он явно почуял аппетитный запах и вкус яичницы с ветчиной, словно она уже лежала на языке, и сглотнул слюну. В то же мгновение ноги сами повернули назад к подвалу, ускоряя шаги. Быстрее и быстрее. Почти бегом. Только бы не успели найти кого-нибудь вместо него.

– Я согласен, – выкрикнул он, едва переступив порог подвала.

– Вот и хорошо, – живо отозвался Голован. – А то мы си-

дим и думаем: «Профессор – умная голова, а так глупо поступает!»

5-я часть

Рустам + Лена = любовь

Эта русоволосая девушка с доверчивым взглядом не покидала теперь Рустама ни днём, ни ночью. Он постоянно чувствовал её присутствие, словно она следила за ним, и это необъяснимо наполняло его радостью.

Свою холостяцкую квартиру он увидел её глазами и устыдился: какая запущенность! Первым делом сорвал со стены календарь с модной певичкой: с какого перепоя она, полуголая, стоит на четвереньках?!

Убрал грязные стаканы с письменного стола. Смёл крошки. Собрал в пакет рассыпанные по квартире пустые бутылки из-под воды и пива. Аккуратно сложил учебники. Заправил кровать. Там по временам ночевали особы, которым больше не стоит возвращаться. Отныне его душа и всё остальное безраздельно принадлежали одной королеве.

Перемыл посуду на кухне, почистил плиту, повесил чистое полотенце. Вымыл полы и снова критически оглядел жилище. Чего-то явно не хватало для полного уюта. Может цветка на подоконнике... или красивой вазы для букетов?

Собрал всё грязное бельё, чтобы отнести в прачечную. Решил, что не помешал бы коврик на полу.

Пора серьёзно заняться домашним хозяйством. Посуды прикупить. Не поить же Лену из таких кружек, если зайдет?!

Кружки купила мама, когда приехала впервые. Не понравилось, что сын пользуется пластмассовыми стаканчиками. Хорошие были поначалу, теперь же все щербатые.

Рустам подошёл к полке над письменным столом. Снял книгу, полистал. Вот это соответствовало сейчас его настроению:

Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать стихи: вдруг их прочтя,
Другой, меня достойней и моложе,
Тебя полюбит, тоже не шутя...

Любовь часто бывает безответной. Наверняка, у такой девушки есть друг. Не понапрасну ли он о ней размечтался?!

Рустам горестно вздохнул и стал читать дальше:

Я о тебе, кто мне всего дороже,
Боюсь писать стихи: вдруг их прочтя,
Другой заговорит с любимой тоже
Словами, что нашёл я для тебя...

Задумчиво улыбнулся, вспоминая, как Лена зашла и растерянно остановилась у двери, потом села напротив, поставив бежевую сумочку на колени. Старательно, как на уроке, отвечала на вопросы, изредка поправляя рукой спадающую

на лоб непослушную прядку. Тонкие пальцы. Ногти не особо длинные, но красиво покрытые лаком.

Опять вздохнул, заложил страницу старым чеком, попавшимся под руку, втиснул книжку на место.

Никогда ещё его квартира не знала такого порядка. Даже перед приездом родителей, так не старался. Да, откровенно говоря, перед визитом мамы вовсе не усердствовал, надеясь на её заботу.

Неожиданный звонок заставил его вздрогнуть. Кто бы это мог пожаловать? Рустам приоткрыл дверь: Аллочка!

– Подожди минутку, – сказал, не давая ей зайти. – Я сейчас!

6-я часть

Аллочка

Вскоре он вышел, извинился, что заставил ждать, и предложил пойти в ближайший Макдоналдс. Пока Рустам стоял в очереди и заказывал угощение, Аллочка заняла свободный столик.

– Ну, рассказывай, что нового? – спросил Рустам, усаживаясь напротив. Худющая до прозрачности в свои тринадцать она выглядит совсем ребёнком. Высокий лоб, большие глаза. Обрадовалась, увидев клубничный коктейль и мороженое с цукатами и шоколадом:

– В колледже все нормально, – начала Аллочка, – запивая слова коктейлем. – Я буду жить в комнате с тремя девочками. Пока есть только одна, Варя. Другие ещё не приехали. Прикольно! Я всегда хотела иметь сестёр: одной скучно. Если бы нас было хотя бы двое, Пашка не посмел бы приставать. По лицу её словно пробежала тень.

Пашкой она называла отчима. Аллочкина мать сошлась с ним два года назад, когда дочери едва исполнилось одиннадцать. Потрепанный жизнью офицер, пригласил Ольгу Петрову, актрису драмтеатра, после спектакля в ресторан. Умелый Дон Жуан так сумел вскружить голову назадачливой ак-

тёрке, что она в тот же вечер привезла его домой. Вскоре служивому приглянулась дочка актрисы. Девочка кинулась за помощью к матери, но та и не подумала выставить развратника за дверь. Мало того, обругала и запугала дочь. Девочка скиталась по городу, ночевала на вокзалах. Наконец, попала в милицию.

История эта всколыхнула отделение МВД, в котором работал Рустам. Все считали, что и мать, и её сожитель заслужили самого строгого наказания. Но девочку такое решение привело в ужас. Оказалось, мать пригрозили ей страшным наказанием, если та посмеет проболтаться.

Рустам не успокоился пока ни отыскал для девочки подходящий колледж с интернатом. Лично проверил условия, побеседовал с директором. Здесь кроме общего давали художественное образование: рисование, дизайн, моделирование одежды и головных уборов. Аллочка ликовала от радости: сбывалась её мечта стать модельером. Дома она шила модные платья и шляпы для любимой куклы.

Девочка прониклась любовью к ментам, а больше всего к Рустаму, и всем хвалилась, что у неё есть брат – капитан милиции, который обидчика не только на Земле, но и на Луне достанет.

... Аллочка доедает мороженое, вытирает рот салфеткой и вопросительно смотрит Рустаму в лицо.

– Ты не очень спешишь? Сходим в Третьяковку? Моя бабушка там раньше работала. Теперь её уже, к сожалению,

нет. От бабушки я столько узнала интересного про художников и картины! Но, тебе, наверное, неинтересно. Ты какой-то грустный сегодня...

– Очень даже интересно. Я в Третьяковке ни разу не был. Всегда мечтал сходить.

– Правда?

Лицо Аллочка просияло. Как ей хотелось сделать приятное Рустаму!

– Мне билет не надо покупать. Достаточно назвать имя бабушки. Все её помнят. Бабушка у меня мировая была! Я могу попросить, чтобы и тебя пропустили бесплатно...

– Нет необходимости. Билет мне послужит сувениром.

К удивлению Рустама, Аллочка оказалась замечательным экскурсоводом. Бабушкины уроки не пропали даром. К ним то и дело подходили другие посетители и внимательно прислушивались. Смотрительницы приветливо улыбались ей, как старой знакомой, а одна угостила конфетой.

– А теперь скажи, какая картина тебе больше всего понравилась? Или какой художник? – спросила под конец Аллочка.

– Можно сказать, – всё. Хотя, пожалуй, Куинджи: «Ночь на Днепре». Краски как будто светятся, – ответил, подумав немного, Рустам.

– Ты верно подметил. Знаешь, какие слухи ходили про его картины?...

Замечательная девочка. Как хорошо, что вовремя успели

её спасти!

– Скоро твой день рождения. Что тебе подарить? – спрашивает Рустам на обратном пути.

– Отметим его так, если не возражаешь: позовём Алексея с Таней, ходим в Третьяковку. Уверен, они будут в восторге от твоей экскурсии. Потом поедem выбирать тебе подарок. Все в отделении для тебя скинулись, даже уборщица. Скажи, что бы тебе хотелось?

– Спасибо. Я подумаю. Мама тоже обещала кое-что купить. Туфли или куртку. Она недавно приезжала в колледж. Плакала и просила прощения. Кажется, добрее стала. Говорит, что скучает без меня.

– Хочешь вернуться домой?

– Нет! Никогда! Если бы ты знал, как мне было плохо! И не у кого попросить помощи. Была у меня любимая учительница. По английскому. Но я стыдилась ей рассказывать. Она бы меня потом презирала. Мама – предательница. Если бы бабушка была жива, я бы ушла к ней.

Помолчали.

– Что будешь делать вечером?

– Пока не знаю. Может, поиграем во дворе в бадминтон с Варей. Перед сном почитаю твою книжку «Алые паруса». Классная! Потом «Человека Амфибию» начну. А Варька, чудачка, любит про вампиров. Начитается, потом ночью вскакивает и орёт от страха. Меня один раз так напугала! А всё-таки любопытно почитать. Как думаешь, стоит?

– Попробуй. Но, если тебя интересует моё мнение: книг – тьма, поэтому следует выбирать. Ну, набралась страху, и что дальше? Я читаю книги, которые чему-то учат. Например, о научных открытиях, путешествиях. Или о том, как воспитать сильный характер, найти друзей, свое призвание, настоящую любовь... Короче, найти верный путь, чтобы не заблудиться в жизни, как в лесу, где множество дорог и тропинок. Прожить достойно и счастливо. Ты ведь хочешь быть счастливой?

– Да, – задумчиво и тихо отвечает Аллочка.

Рустам проводил её до колледжа. На прощанье напомнил:

– Обязательно звони, если что!

7-я часть

Рената

Рената задерживалась, и это тревожило Аркадия. Доктор, который собрал её по кусочкам, знал, какой опасности она подвергается каждую минуту.

Эта удивительная женщина совершенно неожиданно появилась в его жизни. Упала звездой с небес прямо к нему на ладони.

А началось всё с обычного ужина. Аркадий зашёл в свой любимый ресторан «Корстон». По вечерам здесь живая музыка с приятным сюрпризом для посетителей: выступление интересного артиста.

Двухместный столик недалеко от сцены свободен. Аркадий заказал по привычке рыбу с овощами гриль и попросил никого не подсаживать.

Пианист наигрывал под сурдинку попурри из известных мелодий.

На смену пианисту вышел скрипач. С минуту поколдовал, прилаживая инструмент к подбородку, и выдал первые звуки чардаша Витторио Монти.

Аркадий обожал это произведение. Чардаш Монти исцелял его от усталости и депрессии, возвращал утраченные си-

лы лучше целебного бальзама. Он разузнал о нём всё: чардаш в переводе с венгерского – постоянный двор, трактир, в дальнейшем – название танца, отличающегося значительными вариациями темпа. Витторио Монти, итальянский композитор, скрипач и дирижёр, сочинивший за свою жизнь множество балетов, оперетт, вокальных и инструментальных пьес. Но только этот Чардаш сделал его имя бессмертным. Самые знаменитые в мире музыканты неизменно включают его в свой репертуар. Трудно назвать инструмент, на котором бы его не исполняли. Дома у Аркадия хранились записи Чардаша Монти в исполнении скрипача Юрия Медяника и аккордеониста Петра Дранги, которые ему особенно понравились.

Выступавший теперь скрипач тоже неплохо интерпретировал...

Неожиданно на ступеньках, ведущих к сцене, появился женский силуэт весь в золотом: платье, туфельки. Танцовщица или певица? Аркадий недовольно поморщился: когда музыка самодостаточна, дополнения излишни.

Женщина в золотом наряде задумчиво остановилось на полпути, словно услышала его мысли, окинула взором зал и сбежала вниз по лестнице, как язычок пламени по сгоревшему полену.

Аркадий замер, забыв обо всём.

Остывал начатый и забытый ужин. Бокал, наполненный красным вином, жадно ловил золотые отблески.

Это была не просто женщина, а Богиня любви. Её руки превращались то в стебли, пляшущие от порыва ветра, то в крылья раненой птицы, то в две коварные змеи. Она соблазняла и призывала кого-то, кто не желал откликнуться. Устав и отчаявшись, женщина закрывает лицо руками, чтобы скрыть слёзы и падает наземь как подкошенная тростинка.

Вдруг всё меняется: женщина встаёт во весь рост, гордо скидывает голову. Поток огневой музыки сжигает дотла остатки любви. Настала пора страдать тому, кто не откликнулся вовремя, и всё потерял.

Умолкла сладкострунная скрипка. Ускользнула танцовщица, в последний раз блеснув золотом на лестнице. А Аркадий всё никак не мог стряхнуть с себя околдовавшие его впечатления.

Подозвал метрдотеля и, протянув визитную карточку, попросил передать танцовщице с приглашением за свой столик.

– Пани Рената никогда не выходит в зал к посетителям, – вежливо улыбнувшись, объяснил метрдотель.

Аркадий добавил к визитке тысячную купюру:

– Постарайтесь, чтоб она согласилась.

Метрдотель вздохнул, положил деньги в карман и удалился. Через некоторое время вернулся и доложил:

– Пани Рената уже уехала. И потом... – Он немного поколебался. – У неё, говорят, очень влиятельный покровитель.

Ну, ещё бы, у такой красавицы! По крайней мере, стало известно её имя: Рената.

Исчезла и неизвестно, появится ли когда-нибудь снова.

Огорчённый и раздосадованный, что упустил свою синюю птицу, Аркадий вернулся домой. Было уже поздно. Горничная навела чистоту и порядок, заполнила холодильник продуктами и ушла. Квартиру с ним делили кенар, кот и пёс. Каждый со своей особой, неповторимой историей.

Кенар залетел однажды в открытое окно да так и прижился. Сначала свободно порхал по квартире и спал, примостившись, где придётся. Но вскоре стал проявлять необузданный нрав. Словно вёл родословную не от канареек, а от самих пиратов. Если на столе появлялся торт, он преображался в яростного завоевателя. Нахохлившись и растопырив крылья, скакал вокруг лакомства, никого не подпуская близко, словно один мог одолеть три килограмма. Пришлось посадить в клетку. Теперь он кротко отбывал исправительный срок за решёткой.

Кошку Машку, белоснежного перса с голубыми глазами, Аркадий подобрал в ботаническом саду. Тогда от него ушла жена, с которой он давно мечтал расстаться. Вместо того чтобы обрадоваться её исчезновению, он неожиданно впал в депрессию. Взыграло самолюбие: как от него могли уйти?!

Стоял месяц май, пора цветения сирени. Бабульки у метро продавали пахучие букеты. Казалось, весь город пропитался сиреневым ароматом.

Аркадий отправился в свой любимый уголок в Ботаническом саду. Оставив машину у входа, пошёл по знакомой аллее. Сколько здесь было сортов, пятьдесят или сто? Махровые кисти белые, розовые, лиловые нежились и благоухали в ласковых солнечных лучах. Лёгкий ветерок ворошил ему волосы, словно пытался разогнать невесёлые мысли...

Откуда-то из-под кустов раздался жалобный писк. Никак котёнок...

Действительно среди травинок копошился маленький розовый комочек. Совсем голый, словно оципаный, только несколько волосков на крошечном тельце. Беспомощный, слепой, страшненький, дрожащий от слабости и страха. Откуда он здесь взялся вдали от всякого жилья? Его же в миг вороны заклюют или псина бродячая проглотит, как только заметят.

«Есть существа несчастнее меня», – подумал Аркадий, бережно завернул котёнка в носовой платок и забрал домой. Кто бы мог подумать, что через несколько месяцев замурышка превратится в голубоглазую красавицу в белоснежной пуховой шубке!

Лобастого ротвейлера подарил старый школьный товарищ Костя, ныне известный художник. Принёс совсем маленьким: чтоб привык к хозяину. Теперь вон какой вымахал!

Кошка и пёс, заслышав приход хозяина, радостно выбежали навстречу. Аркадий присел на корточки перед псом, дружески потрепал за шею и приказал идти спать. Пёс по-

слушно улёгся на матрасик, положив голову на лапы, и наблюдал, как Аркадий здоровался с кошкой, взяв её на руки. Тагор не ревновал, так как был совершенно уверен, что его хозяин ценит больше, чем ни на что не пригодную кошку.

С кошкой на руках Аркадий прошел в гостиную, включил телевизор, который смотрел крайне редко. В основном следил за событиями в стране и в мире, когда позволяло время. Сейчас он тешил себя надеждой, что может быть найдет какую-нибудь информацию про Ренату. И только устроился на диване с Машкой на коленях, как вдруг зазвонил телефон. Звонили из его клиники. Привезли пострадавшего в аварии. Тяжёлый случай. Без него вряд ли справятся...

* * *

– Женщина, 27 лет. Множество переломов, ушибов, черепно-мозговая травма, – на бегу докладывала дежурный врач, едва поспевая за торопливо шагающим Аркадием. – Ушаков сказал, что надеяться не на что. Если каким-то чудом выживет, то останется калекой. Но вы-то мёртвого на ноги поставите!

Аркадий молчал. Зашёл в палату, подошел к кровати... Перед ним лежала Рената. Вернее то, что от неё осталось.

– Родственники знают?

– Был мужчина... Гражданский муж, а может, отец. Поговорил с Ушаковым, оставил чек на крупную сумму и теле-

фон. Сказал: «Если ещё понадобятся деньги, – звоните». И ещё сказал, что если останется инвалидом, то стоит ли жить?

– А мать есть?

– Неизвестно.

– Следует разыскать.

Надо ли говорить, с каким упорством принялся Аркадий за лечение, одержимый желанием не только спасти жизнь Ренате, но вернуть ей первоначальное состояние. Несколько суток он вообще не покидал клинику, спал на кровати, поставленной в той же палате. Кропотливо и самозабвенно, как драгоценный пазл, собирал по кусочкам кости, ткани, кровеносные сосуды, кожу. Особенно много трудился с головой, прикладывая, приглаживая, удаляя швы и рубцы. Изнурительная ювелирная работа. Но вдохновенная. С такой же любовью, вероятно, Пигмалион создавал свою Галатею. Но могли Пигмалион заново собрать возлюбленную из разбитых и помятых обломков, да так, чтобы полностью вернуть былую красоту?! И не из слоновой кости, а из миллиона живых кусочков.

Аркадий осунулся, глаза очертили круги. Однако взгляд излучал столько силы, что никто не сомневался в победе.

Через несколько дней в клинике появилась маленькая пожилая дама. Когда её привели в кабинет Аркадия, она сделала попытку заговорить и разрыдалась.

– Это... моя... единственная..., с трудом выдавила она из себя сквозь слёзы.

– Почему вы плачете? – спросил доктор, удивленно подняв брови, – ваша дочь будет танцевать, как прежде. А может ещё лучше. Для этого мы должны постараться. Я вас ждал. Вы мне поможете. Если, конечно, хотите. Ну, так как?

Разве могла отказаться от такого предложения мать Ренаты, Юлия Цезаревна?! Теперь они вдвоём выхаживали любимое существо и ночью дежурили по очереди.

Чтобы помочь другу в отдыхе, Костя придумал для него успокаивающее развлечение. Притащил в дом Аркадия и установил в прихожей клейкий стенд и коробку с разноцветной пластмассовой мелочью для моделирования мозаичных картинок. По мнению Кости, – это и психологическая разрядка, и гимнастика для пальцев хирурга. Аркадий посмеялся, но вскоре увлёкся. Начал с силуэта танцовщицы чардаша. Итак, ежедневно он складывал из кусочков живую женщину в палате и мозаичную у себя дома. Трудно сказать, что у него получалось лучше. И для той, и для другой он выкладывал всю душу.

Через месяц клинику вновь посетил покровитель Ренаты, господин далеко не молодой, но видный. Узнал, что пострадавшей намного лучше. Заглянул в палату, где ему продемонстрировали, как Рената моргает, шевелит пальцами, сидит на постели... Поморщился, вернулся в кабинет Аркадия, выписал чек на миллион рублей и сказал на прощанье:

– Оставляю её в ваше полное распоряжение. Делайте с

ней, что хотите.

Это означало, что он от неё отказался. Тем лучше. Аркадий перевёз Ренату с матерью к себе домой.

Хвостатые домочадцы с настороженным любопытством приняли новых жильцов.

Вслед за котёнком и щенком настала очередь Ренаты учиться: передвигаться с помощью костылей, заучивать слова, пользоваться ложкой и вилкой. Юлии Цезаревне пришлось второй раз выходить дочь.

Рената носила особую одежду, изобретённую Аркадием: специальный комбинезон, как у космонавтов, поддерживающий ткани и кости. Он же разработал для неё курс лечебного массажа и развивающей гимнастики, к которым понемногу прибавлялись танцевальные элементы.

Через полгода Рената уже многое умела делать самостоятельно. День начинался с гимнастических и танцевальных упражнений под музыку. Медсестру успешно подменяла Юлия Цезаревна. Аркадий всё больше привязывался к этой женщине: держалась тихо и незаметно, не гнушалась никакой домашней работы. К тому же – восхитительная кулинарка. Ей бы в пору открыть свой ресторан...

Рената уже свободно излагала свои мысли. Лечебный комбинезон сменился на обычную одежду.

Аркадий взял напрокат небольшой Мерседес и разрешил ей выезжать на прогулки в город. Автомобиль был совсем новенький, чёрный и сияющий, словно вырезанный из агата.

Рената быстро с ним освоилась.

Специально для автопрогулок пошили чёрный брючный костюм из итальянской кожи. Рената подобрала к нему красную шляпу и косынку из белого шелка в красный горох. Получился довольно элегантный наряд.

В поездках Ренату неизменно сопровождал телохранитель, женщина-робот по имени Рита. Точная копия Ренаты, сконструированная Аркадием, и точно так же одетая. Однако с Ритой вскоре случилось происшествие, после которого её пришлось на время убрать. Вместо неё на ответственную вахту вступил Тагор.

Ротвейлер не только являл красоту своей породы, но отличался незаурядным умом и интуицией. Как только Рената появилась в доме, он сразу почуял, какую ценность представляла она для хозяина. Незаметно, но зорко Тагор следил за каждым шагом Ренаты, готовый в любой момент кинуться ей на помощь, не потому, что она его чем-то покорила, а просто чтобы услужить хозяину, к которому привязался всем своим собачьим сердцем.

Теперь устраиваясь на заднем сиденье автомобиля вместо Риты, он чувствовал всю полноту возложенной на него ответственности.

А с роботом Ритой вот что произошло. Группа дорожных рэкетиров устроила охоту на автомобиль Ренаты. Два серебристых Ауди, совершенно одинаковых как братья-близнецы, настойчиво липли к Мерседесу, провоцируя столкновение.

Ренате без конца приходилось увертываться, и это раздражало её и изматывало. Голова словно наливалась свинцом.

У светофора рэкетирам удалось подловить Мерс в ловушку: один забрался вперёд, а другой плотно прижался сзади. Дорожные разбойники требовали выкуп. Рената не была готова к таким событиям. К тому же не имела привычки брать с собой много денег. Позвонить Аркадию? Но вдруг он сейчас на операции, спасает чью-нибудь жизнь...

Рэкетире не сомневались в победе. Что могла против них красotka, нервно сжимавшая баранку тонкими ручками?! Риту, притаившуюся на заднем сиденье, они не разглядели. Пока они устрашали Ренату, открылась задняя дверца, и из автомобиля, не торопясь, выбралась аккурат такая же красotka, как та, что сидела за рулём. Только в огромных чёрных очках. Бандиты переглянулись и захихикали.

Очкастая девица повертела головой налево и направо, потом подошла к задней машине и рукой, затянутой в чёрную перчатку, сделала знак: подай назад! Водила, опустил стекло и спросил с наглой ухмылкой: «Сколько дашь?» В то же мгновение изящная ручка схватила его за горло. Бритая голова рэкетира порозовела, как лобстер от горячей воды. Ручка, сжимавшая горло, чуть расслабилась, и девушка по-военному приказала: «По-дай на-зад!»

Молодчик, выскочивший из другого Ауди, хотел напасть на Риту сзади, но, получив каблуком в пах, согнулся пополам, прижав руки к ширинке. Бандит за рулём повиновался.

Пока он давал задний ход, Рита стремительно подскочила к переднему Ауди и ткнула каблуком-гвоздиком в колесо. Как молния, юркнула на свое место, и Мерс умчался. Пробитое колесо Ауди со свистом оседало. Придушенные и прибитые бандиты, получившие столь жёсткий отпор от «милых дам», с трудом приходили в себя.

Милиция, не раздумывая долго, заключила, что произошла очередная бандитская разборка, никакого громкого расследования не последовало.

В СМИ появилось короткое сообщение об интригующем происшествии, в результате которого впервые пострадали налётчики, привыкшие безнаказанно грабить водителей на дорогах.

Аркадий из осторожности отменил на месяц поездки Мерседеса, а Риту спрятал от глаз подальше. Место Риты занял ротвейлер.

В стане дорожных рэкетиров распространилась страшная легенда о красотке в чёрной кожанке и красной шляпе, обладающей мёртвой хваткой, настоящей «железной леди», от которой лучше держать подальше. Охота на Мерседесы вышла из моды.

8-я часть

Ангел-хранитель

Зря она надела босоножки на шпильках. Старые шлёпки куда удобней! Остановилась, опустила на землю тяжёлые пакеты. Вздохнула. Купить всё сразу – лучший способ, чтобы не бегать сто раз в магазин. На ладонях остались красные полосы. Что делать, если мама ходить за покупками не может?! Слава Богу, по комнате перемещается. А необходимо столько всего: и овощи, и молоко, и то, и это... Ах, опять чёрный хлеб забыла! Мама не ест белый. Придётся возвращаться. Лена опять вздохнула и хотела уже поднять пакеты, как вдруг за спиной раздался приятный мужской голос:

– Вам помочь?

Оглянулась – перед ней стоял Рустам из милиции, в джинсах и клетчатой рубашке с короткими рукавами.

– Вы очень кстати! Я хлеб забыла купить. Подождёте минутку?

– Даю десять, за минуту не управитесь.

Лена засмеялась и поспешила в магазин.

Теперь они шли к лениному дому и говорили обо всём. Не правда, что менты тупые и неинтересные, – думала Ле-

на. Рустам – остроумный и весёлый парень. Лена шла належке, размахивая раскрепощёнными руками. Сорвала молодой листик с дерева, растёрла в руках, понюхала и положила в рот.

– Мама говорит, что берёза вся полезная...

Рустам поглядывал на неё искоса и усмехался: совсем ребёнок. А Лене нравилось, что встречные женщины засматривались на её попутчика, но он как будто этого не замечал.

Рустам поставил сумки возле лифта и, глядя на Ленины ножки, произнёс:

– Не понимаю, как женщины носят тяжести на таких тоненьких каблучках! – и пошёл к двери подъезда. Лена остановила его:

– А не хотите с нами попить чайку? С домашним печеньем. Мама испекла...

Боялась, что Рустам откажется, сославшись на занятость. Но он оглянулся и ответил:

– С удовольствием!

– Правда он симпатичный? – спросила Лена у матери, когда за гостем закрылась дверь, и они стали убирать со стола. Визит Рустама наполнил её необъяснимой радостью.

– Ты такая доверчивая, доченька, – ответила мать, покачивая головой. – Понравился он тебе? Будь осторожней. Ему может не ты нужна, а квартира и прописка. Он ведь не москвич. Мне соседка рассказывала, один такой женился, пропи-

сался, а потом поехал на родину и оттуда привёз жену. Я хочу, чтобы ты была счастлива...

– Мам, ну вечно ты всё испортишь. Может он вовсе не такой, – с досадой возразила Лена, но мамины слова застряли в памяти, как заноза. Может, мама права? Что она знает про этого человека? – Ровным счётом ничего. Может он и вправду плохой. И потом, смазливый. Бабы засматриваются, значит – испорченный. А как хочется, чтоб был хороший!

Лена обиделась на мать и закрылась в своей комнате. Взяла в руки книжку, но читать не хотелось. Задумчиво поставила на колени часы, сделанные в виде кудрявого ангела, и теперь поглаживала его пальцами: может он поможет, защитит от беды? Часы сделал отец и подарил со словами: это будет твой ангел-хранитель, дочка.

Сколько ей было тогда? Кажется, четырнадцать. Отец работал мастером на часовом заводе. Но и после работы возился с часами. Любимое хобби – изобретать красивые оправы. Все часы в доме были его творениями: с кукушкой на кухне, напольные, которые особенно любила Лена, в столовой. Как красиво отбивали они полночь в новый год! Ещё в прихожей висели часы-барометр, обрамлённые в красное дерево. Где отец его, интересно, достал?

Своим лучшим друзьям он дарил часы. Корпус вырезал из дерева, каждый был неповторимый и специально придуманный для юбиляра. Говорили, что его часы приносят удачу.

Жизнь отца оборвалась совершенно неожиданно и неле-

по: в день рождения. В самый разгар застолья, когда уже выпили за именинника, внезапно объявился закадычный друг, проездом издалека, которого отец не видел много лет. Крепкие объятия и воспоминания: Ну, ты, брат, возмужал! А помнишь?...

Дорогого гостя усадили за праздничный стол.

И тут оказалось, что не хватает заветного напитка, связанного с каким-то особым случаем. И отец, не смотря на все уговоры, поспешил в ближайший гастроном.

Время шло, а он всё не позвращался. Сначала это послужило поводом для шуток, потом мама и один из друзей пошли искать. Возле магазина стояла скорая, чуть поодаль – милицейская машина...

Потом пришлось вызывать неотложку для мамы. Лена помнила восковое лицо матери с провалившимися глазами и врача, который внушал ей:

– Не забывайте, что у вас есть ребёнок! Чудесная девочка! Подумайте о ней! Разве можно оставлять её сиротой! Вы должны жить! Обязаны!

Мама исходила слезами и твердила непонятные слова: я очень виновата, оттого и беда приключилась.

С тех пор мама стала инвалидом: ноги перестали слушаться.

В чём она себя винила, оставалось для Лены загадкой. Она пыталась расспросить мать, но та отвечала:

– Не сейчас. Придёт время, сама расскажу.

Мать и дочь часто спорили. Споры переходили в ссору. Лене казалось, что мать глупо цепляется за старое и отжившее. Делает ей замечания, не понимая, что настали другие времена.

«Эта кофточка уж слишком открытая, весь лифчик наружу. Стыдоба! В наше время такого не позволяли. Если только распущенные девки... Кто выдумал такую моду, чтоб зимой с непокрытой головой ходить?! Шапочку надень! Вон сколько я их для тебя навязала, хоть каждый день меняй! Не дай Бог голову застудишь... На высоких каблуках не ходи весь день, – ноги испортишь...» И так каждый день: зу-зу зу-зу...

Невозможно её убедить, что так одеваются теперь все. То, что раньше считалось недопустимым, теперь модно.

Лена вовсе не хотела выглядеть вульгарной, но и старомодной тоже. Ей нравились модели, девчонки дерзкие, яркие, соблазнительные. На них хотелось походить. Наташа Водянова, к примеру, такая красавица! Но мама критиковала: «тощая, как деревянный Буратино».

А всё потому, что безвылазно сидит дома и окончательно отстала от жизни.

Лена сердилась, иногда дерзила. Мама обижалась и плакала тайком, когда оставалась одна, считая, что совсем не нужна дочери. Если бы она могла заглянуть ей в душу, переполненную нежностью и преданностью, то устыдилась бы своих подозрений.

Этот Рустам кажется таким добрым. Почему он не понравился маме? Неужели у него на уме только выгода?! Где он, интересно, живёт? Наверное, снимает квартиру. Или комнату. Он дал Лене номер своего мобильного, можно как-нибудь ещё встретиться и обо всём узнать...

9-я часть

Голован и компания

Павлин Иванович предусмотрел всё. С его лёгкой руки для Голована с друзьями началась новая жизнь. Трудовая, если можно так сказать. Размеренная и напряжённая.

По заданию они угоняли машины. Искали подходящую модель на парковке у супермаркета. Узбек следил за владельцем авто, чтобы не застал врасплох, и давал знак. Голован отключал сигнализацию и уводил. Когда неудачник, вернувшись с покупками, пытался вызвать милицию, появлялся Профессор и путал карты. Угонщика он обрисовывал всякий раз по-разному: то высоким блондином, то чернявым парнем не славянской внешности, со шрамом во всю щёку, то бритоголовым. Милиция составляла протокол, заводила дело. И появлялся очередной висяк.

В первые дни троица изрядно напрягалась и нервничала. Но уже через месяц приобрела сноровку и уверенность.

Приятные хлопоты по обустройству нового жилища. Теперь у них была своя человеческая квартира. Голован с Профессором спали в комнате, Узбек расположился на кухне. Жаворонок по природе, он вставал первым и готовил завтрак для себя и товарищей.

Все трое не могли нарадоваться привалившему счастью: горячий душ, полотенце, нормальная еда из тарелок и вершина всего – тёплая постель.

Отмылись, побрились, приоделись. Залечили ссадины и болячки. Вывели непрошенных гостей из волос и одежды.

Когда на кухне накопились грязная посуда и пустые бутылки, Профессор завел график уборки и строжайшим образом следил за порядком. Бутылки вскоре пошли нарасхват: какой-никакой, а дополнительный доход.

За месяц удалось угнать три машины. Приближалось время получки. Заранее рассчитали, на что потратят. Голован оказался щёголем, мечтал о «кожаке», кожаной куртке. Узбек собирался большую часть отправить семье. Профессор хотел приобрести приёмник, а потом накопить на комп. Кое-какие части уже собрал на свалках.

Голован принёс 300 зелёных. Сказал: на всех. Профессор разинул рот. Узбек разъярился: обманули. Потребовал встречи с «шефом». Голован долго распространялся о том, что мол лиха беда начало, что со временем станут платить больше, как обещано, что спорить, а тем более скандалить не стоит: на их место найдут других. А и так уже и крыша над головой есть, и одежа, и еда. Только по-людски зажили, и снова на помойку ворочаться?! Думаете, он сам не спорил? Ещё как! А потом согласился. Куда деваться? – Некуда. Не судиться же?! Их первых на нары отправят. Так что лучше не рыпаться, а сопеть в тряпочку и надеяться. Надо старать-

ся. Чем больше угонят машин, – тем выше заработок. Дураку понятно. А ежели кому не понятно, – вот вам Бог, а вот и порог!

Опять Голован убедил. Узбек нервно постукивал кулаком по столу, но молчал. Только желваки на скулах играли от дурных мыслей. Профессор изрёк: Мдаа... Этого следовало ожидать. Были бомжами, стали ворами. Ну, кто скажите, будет с такими честную игру вести?!

Узбек хотел что-то возразить, но не решался. Только горестно вздыхал.

– А ты нас того... не надул? Ничего не прикарманил? – наконец, не выдержал он, обращаясь к Лобану.

Тот поклялся, что ничего не своровал. И выглядел вполне искренним. Хотя, чужая душа – потёмки.

– Тогда, как делить будем? – снова спросил Узбек. И сам же ответил: разделим поровну на три части.

– Сотню отложим в общий котел на непредвиденные обстоятельства, а остальные пустим на житьё-бытьё. Ещё месяц подождём, а там начнём делить, – предложил Профессор.

– Я не могу ждать, – пробурчал непокорный Узбек.

– Ну, что с тобой поделаешь?! – вздохнул Голован. – Так и быть, забирай сотню! Пятьдесят – НЗ, остальные на житуху.

– А что такое НЗ? – удивился Узбек.

– Объясняю для малограмотных: неприкосновенный запас, – с серьёзным видом объяснил Голован. – Выходит, ты

у нас самый высокооплачиваемый.

– Могу готовить на всех. И посуду мыть. И убирать квартиру. Раз вы ко мне по – доброму...

– Только делать всё без дураков, – пробурчал Профессор. Чтоб стряпал вкусно и мыл добросовестно.

– А то лишим пая, – поддакнул Голован.

– Конечно. Вы что ж думаете, у меня совести нет?! За сто зелёных ещё как постараюсь! Узбекским пловом буду кормить, пальчики оближите. Признаюсь, я весь измаялся: как там мои? Может кого уже и в живых нет.

– Все живы. Как деньги отправишь, сразу откликнутся, – успокоил Голован.

Профессор кивнул в подтверждение.

Головану самому не понравилась оплата. Он затеял спор, но Павлин сумел убедить, что это временное явление, что дальше будет лучше, что надо уметь ждать и т. д. и т. п. Голован, скрипя сердце, согласился, но где-то внутри, подспудно зародилось подозрение, что Павлин часть награды, предназначенной для них, оставляет себе. Свести с главным, который платит, Павлин категорически отказался: нельзя и basta. Все задания и оплата только через него. Таковы условия работы. Что оставалось делать?!

Через пару месяцев они полностью овладели «ремеслом». Теперь Голован с Узбеком по очереди угоняли заказанные «тачки». Если поначалу остерегались, воровато оглядыва-

лись по сторонам, сильно нервничали, то теперь действовали уверенно и даже элегантно. Приходили к супермаркету, поджидали нужный объект. Владелец шёл за покупками. За ним следовал один из подельников. Покупал пивка и сторожил жертву на всякий непредвиденный случай. Второй подельник, не упуская ни минуты, спокойно и непринужденно приближался к машине, отключал сигнализацию и уезжал, как на своей кровной. Именно так казалось со стороны для тех, кто не ведал секрета.

Когда пострадавший, не найдя машины, поднимал шум, появлялся Профессор. Сочувствовал, давал советы и вызывал своего мента, который деловито расспрашивал и изучал обстановку. Срочно звонил в отделение, чтобы организовали перехват. Вел себя безукоризненно. Ещё бы, за это хорошо приплачивали. Иногда и сам пострадавший раскошеливался, чтобы стимулировать поиски.

Конечно, ничего не находили. Угнанная машина сворачивала в ближайший переулок и исчезала в специальном гараже, где её уже ждали. Опять же благодаря звонку Профессора на нужный номер. Тут же меняли номерные знаки, красили в другой цвет. По заказу клиента тонировали стекла. В бардачок совали новый техпаспорт и страховой полис. Загримированная до неузнаваемости машина уходила к заказчику.

10-я часть

Свадьба

Когда к Рустаму приехала мама, он пригласил Лену с её мамой в гости.

Мать Рустама, Вера Астаховна, оказалась искусной кулинаркой. Маленький стол ломился от угощений. У гостей уже переполнились животы, а Вера Астаховна без конца приносила из кухни все новые блюда. Дагестанские и белорусские, так как она оказалась белорусской, родом из Гомеля. С мужем Гасаном, отцом Рустама, познакомилась в госпитале. Выпускница медицинского техникума только осваивала работу, когда молодой курсант школы милиции попал на лечение. После выписки из госпиталя не захотел расставаться с приглянувшейся медсестрой и увёз к себе на родину. Там и прожили всю жизнь. Вырастили Рустама. Второго сына потеряла из-за несчастного случая.

Дарья Петровна не помнила, когда их с дочерью так радушно принимали. Мать Рустама пришлась ей по душе. Чуя, что имеет дело с будущей родней, пригласила к себе на обед. Она тоже умела и любила стряпать.

Дарья Петровна наготовила того, что лучше удавалось: борщ на тройном бульоне (свинина, говядина и баранина),

пирог с грибами, цыплята табака. Лена помогла с салатами: греческим и крабовым. Из напитков в память об отце выбрали «рябину на коньке» и домашний морс из клюквы.

Гости привезли кучу гостинцев домашнего приготовления: виноградное вино, халву, варенье из айвы, вяленую хурму.

Подивились на коллекцию часов: да у вас тут настоящий домашний музей!

И самое главное: Рустам сделал Лене предложение.

Свадьбу решили сыграть на родине Рустама:

– Отдохнёте как на курорте: море, горы! Красота – не наглядеться! Свадьбу справим на свежем воздухе, в саду. Вся родня и соседи соберутся. Разве ж в Москве возможно такое?!

Дарья Петровна засомневалась, сможет ли ехать так далеко с больными ногами.

Её успокоили:

– Доехать – пара пустяков: такси, потом поездом, а там на машине встретим.

В общем, уговорили.

Той ночью долго не ложились спать. Пока убрали со стола, перемыли посуду. Дарья Петровна вдруг расплакалась.

– Ну, что ты, мам? – удивилась Лена. – Словно беда случилась! Будто на войну провожаешь. Чего плакать-то?!

– Я от счастья, – отвечала мать, утирая кончиком полотенца покрасневшие глаза. – Помнишь, после гибели отца я го-

ворила, что очень виновата? Теперь время настало открыть секрет: Бог его отобрал у меня за грехи... Тут мать всхлипнула, промокнула слёзы полотенцем и продолжила, стыдливо пряча от дочери глаза. – В молодости ему не я, другая нравилась. Нет её рядом, – он со мной, а как появится другая, – он на меня и не глядит. Наверное, надо было уступить, а я оговорила соперницу: наврала, дескать она изменяет. Он поверил. Очень переживал. Не смог простить и женился на мне, хотя так и любил ту, другую. Я всё время боялась его потерять. Когда его не стало, решила уйти за ним, таблеток наглоталась. Врач строгий попался, отходил и отругал.

Теперь Лена поняла, что рассердило доктора, почему он так отчитывал больную мать: «Не забывайте, что у вас есть ребёнок!» Страшно представить, чтобы она делала, оставшись и без отца, и без матери.

– Я – великая грешница. Потому счастлива за тебя до слёз.

Мать сидела, согнувшись, на табуретке, боясь взглянуть на дочь, чтобы не прочесть в её лице осуждение, а быть может и презрение.

В порыве нежности Лена обняла и крепко прижала мать к себе.

– Такова жизнь: все отбивают друг у друга и не только женихов и невест, но даже мужей и жён. Ты за любовь боролась, а другие ради корысти, чтоб потом изводить и мучить. Знаю, видела, как ты берегла отца, как о нём заботилась. И меня научила любить. А та другая, может, запилила бы: по дому

не помогаешь, денег мало приносишь, всё плохо, всё не так! Вон наши соседи без конца, почти каждый день, грызутся, как кошка с собакой. Дети измучились: им и отца жалко, и мать. Ты у меня – замечательная! Самая лучшая мама на свете! Дай-ка я тебя поцелую, грешница моя липовая. Выкинь глупости из головы и не вспоминай больше! Обещаешь?

– Обещаю, – мать улыбается сквозь слёзы.

– Поклянись, что больше не будешь себя винить!

– Клянусь, – послушно шепчет мать. – И совсем тихо: Спасибо, доченька...

Свадьбу справляли по кавказским обычаям. Широко. Весь посёлок собрался.

Сентябрь выдался погожим, как по заказу. В синем небе – шёлковые нити паутинок.

Лене нравилось собирать фрукты в саду: яблоки, груши, сливы, виноград. Их раскладывали на подносы и ставили на столы.

Особенно радовали груши: жёлтые, ароматные. Падая на землю, они лопались, и сладкий мёд струился наружу, привлекая прожорливых ос. Лена отбирала у них добычу и с наслаждением съедала сама.

В жертву свадьбе принесли бычка и двух барашков. Женщины возились с долмой и хинкали. Дюжина кулинарок пришла помогать в дом Рустама. Так сосредоточенно работали, что почти не разговаривали. Долму готовили пожилые опыт-

ные женщины, хинкали лепили все. Потом варили, раскладывали на блюда, присыпали перцем.

Мужчины занимались шашлыками и пловом. Горьковатый дымок переплетался с ароматами печёного лука и мяса.

Лена помогала и по ходу дела училась кулинарным хитростям у местных хозяек.

К плову и шашлыкам намыли два ведра помидоров и огурцов, только что с грядки. Не забыли и зелень: кинзу, петрушку, укроп, базилик, сельдерей. К ним полагался домашний сыр. Гостей ожидалось человек двести, и Лена беспокоилась, что угощенья не хватит.

Но гости не приходили с пустыми руками. На столе прибавлялось закусок: овощи, фрукты, халва, конфеты, жареные куры, пироги, сыр, вино. Ни одного хмурого лица!

Пришла пора наряжать невесту. Мамина младшая сестра Ольга, профессиональная портниха, пошила свадебное платье из белого атласа и бледнозелёного гипюра. Лаковые туфли-лодочки на шпильках Лена выбрала в магазине для новобрачных. Среди родственников Рустама нашлась парикмахерша. На голове невесты соорудили нарядную причёску и украсили живыми белыми розами.

Мама всплеснула руками: сказочная принцесса! Видел бы отец!

Лишь только Лена показалась на крыльце, на неё горстями посыпались розовые лепестки, конфеты, монеты. Старички одобрительно цокали языками: хороша невеста!

Рустам в тёмно-синем костюме, белоснежной рубашке шёл ей навстречу, улыбаясь. Всё было лучше, чем она себе представляла.

Началось празднество. Тамада объявлял тосты.

Горы угощений на столе постепенно таяли.

Музыканты заиграли лезгинку. Танцоры выходили по очереди, и каждый демонстрировал своё искусство. Победителем оказался мальчишка лет одиннадцати, известный в округе плясун, умеющий делать невообразимые акробатические трюки.

Пригласили жениха: не забыл в Москве, как пляшут лезгинку? Рустам скинул пиджак, вышел в круг. Доказал, что не забыл, под дружное хлопанье в ладоши.

Начались общие танцы: и мужчины, и женщины, и старики, и малые дети.

Танцы сменились песнопением. Несколько мужчин запевали, остальные подхватывали.

В самый разгар веселья подошёл запоздалый гость. Окинул собравшихся недобрый взглядом. Поздравил жениха, поздоровался с родителями и ушёл, несмотря на уговоры остаться.

Где-то Лена уже видела этого человека. Очень знакомые усы, холёные руки... Может, в ресторане...

Она услышала, как говорили между собой родители Рустама.

– Что ему до нас! Богачом стал, не хочет знаться, – тихо

сказала Вера Астаховна.

– Не богачом, а бандитом, – поправил муж. – Чёрт меня дернул сказать, где Рустам работает. Теперь беды не избежать.

– Не терзайся, отец! Может, никогда не сойдутся их пути. Москва такая огромная!

Насторожил Лену и ещё один человек: худенькая девушка, исподтишка бросавшая в её сторону испытующие взгляды. Кто она?

Рустам объяснил, что это дочка соседей Амина. Они учились в одной школе. Поскольку Амина была намного младше, Рустам её опекал. Родители полушутя-полусерьёзно пророчили их поженить. Детская дружба закончилась вместе с детскими годами. Повзрослев, Рустам уехал на учёбу в Махачкалу, и разговоры о женитьбе прекратились.

Раздольная кавказская свадьба гуляла до темноты. Звёзды загорелись в небе. Взошла ночная царица луна и, усевшись в серебряное кресло, внимательно оглядывала окрестности.

Все расходились спать, чтобы на следующий день с новыми силами продолжить празднество.

А Рустам с Леной в сопровождении нескольких парней отправились в горы. Мир, как бокал шампанским, наполнился лунным светом. словно радуясь свадьбе, блистали звёзды. Стрекотали невидимые цикады. Пахло пряными травами.

По дороге друзья Рустама негромко пели. Лена спросила, о чём поют. Рустам перевёл:

Что в пути со мной?
Только жар дневной,
Только мрак ночной,
Только хлеб сухой.
Три глотка воды...
Но со мною ты,
Ты со мной в пути
Песнею в груди...

Кто-то запел вдруг русскую песню «специально для невесты», другие подхватили:

Зорька алая
Зорька алая, губы алые,
а в глазах твоих,
а в глазах твоих – неба синь,
Ты любовь моя долгожданная,
не покинь меня, не покинь меня,
не покинь!

– Красиво поют, – сказала Лена и спросила: Куда мы идем?

Хотя не всё ли равно, куда идти рука об руку с любимым?! Так бы вот всю жизнь пройти: не покинь меня, счастье моё, не покинь!

Остановились на широком плато. Под ногами – травяной ковер, перевитый осенними цветами, вверху – чёрный купол,

расшитый стразами, вокруг стеною высятся горы.

– Это наш свадебный дворец, – сказал Рустам. – Нравится?

Парни задержались где-то внизу. Только один прибежал, чтобы передать Рустаму большой тёмный сверток и снова исчез.

Сверток оказался войлочной буркой, которую Рустам развернул на траве. Снял с себя пиджак, бросил сверху.

– Это наша свадебная постель, – улыбнулся и, наклонившись, заглянул ей прямо в глаза. – Здесь мы зачнем нашего первого ребёнка. Сына. Назовем его Эльдар.

– А дочку ты не будешь любить?

– Ещё как буду! Девочку назовем Елена. Будут у меня две Ленки: большая и маленькая. Впрочем, ты сама можешь выбрать имя.

От поцелуя у Лены закружилась голова, и земля стала уходить из-под ног, словно её уносило потоком. Они опустилась на войлочный ковёр. Лена изо всех сил прижала к себе мужа, чтобы слиться с ним воедино... Вселенная миллионами звёзд благословила их любовь.

... Целую неделю гуляла широкая кавказская свадьба. Молодожёны больше не уходили в горы, а спали в отведенной для них комнате. Но та ночь в горах запомнилась Лене на всю жизнь.

11-я часть

Месть Амины

Алексей рассказал Рустаму, что их сотрудник Валерка собирает мзду на парковке у супермаркета «Роксана». Там, где повадились угонять авто. Без сомнения, покрывает угонщиков.

– Ты Игорю сказал?

– Игорю?! Нашему начальничку?! У него не только рыльце в пушку, но вообще пробы ставить негде.

– Откуда знаешь?

– Мир тесен. Встретил бывшего однокурсника, он поведал о своём шефе, которого за махинации сняли. Дело завели... Так вот, его бывший – это наш нынешний: Шавлов Игорь Борисович. Наказали: из реки выловили – в озеро выпустили.

– Может просто однофамилец?

– Нет. По описанию всё сходится. Будь осторожней, у него мощная лапа наверху.

– А не мог он одуматься, исправиться?

– Погляди на него. Похож на честного? Такого от корыта не оторвёшь. Заплывшие глазки, брюхо, как у беременной бабы. А ведь по возрасту чуть больше тридцатника. Моему деду восемьдесят и то приличней выглядит. А тачку его ви-

дал?! Не удивлюсь, если Валерка с ним делится.

– Интересно, Валерка один ведёт дела по угнанным машинам или ещё кто?

– Игорь исключительно ему доверил.

Рустам иногда забегал в супермаркет «Роксана», но не обращал особого внимания на вместительную автостоянку рядом. Теперь же, после разговора с Алексеем, стал присматриваться, останавливаясь на пороге будто бы покурить. И однажды застал сцену автоугона. Надо сказать, Валерий появился без промедления и действовал оперативно: внимательно выслушал свидетелей, всё тщательно записал. Больше всех волновался интеллигентного вида старик. Когда уже разошлись, старик догнал блюстителя порядка, чтобы пожать руку. При этом что-то положил ему на ладонь. Похоже, деньги.

Рустам подошел к коллеге:

– Опять угон?

– Да, – ответил Валерий, весело улыбаясь, словно произошло что-то приятное. Воруют самые дорогие и модные модели. Сегодня, к примеру, Инфинити увели. Причём, вора трудно заметить: умело отключает сигнализацию, без проблем открывает. Будто в свою садится. Хозяин поднимает шум, а от машины уже и след простыл...

– А ты не пробовал сделать засаду и понаблюдать?

– Пробовал... Слушай, а тебе какое дело до этого? Тебе поручали?

Валерка вдруг занервничал. Глазки забегали, заморгали,

словно искали, куда спрятаться. Сердито отвернувшись, он заспешил в отделение.

Не понравилась Рустаму эта история. Что-то в ней чувствовалось «тухлое».

Несколько дней спустя возле ресторана «Урюк», за квартал от «Роксаны», куда заехал по делам Рустам, угнали Ауди. Только Рустам приблизился к расстроенному владельцу, Гарику, как вдруг рядом возник... уже знакомый интеллигентный старичок. Прямо-таки завсегдатай угонов. Случайно он тут или на стрёме стоит? Пострадавший, недоверчиво слушающая болтовню старика, пытался кому-то дозвониться и, наконец, дозвонился. Сообщил, где находится. Между тем вездесущий свидетель успел сунуть Рустаму в руку свернутую рулончиком бумажку.

Появился Валера со строгим и озабоченным видом.

– Что-то тут много ментов развелось, – разозлился Гарик. – А толку мало. У моего друга полгода назад машину своровали, до сих пор не нашли. Поэтому я своего вызвал. Подполковник МВД. Может, он ловчее окажется. До его приезда ничего говорить не буду.

Ишь ты, крутой! – подумал Рустам. А вслух произнёс: мы из районного отделения. Это наша работа. Не ради праздного любопытства.

– Твой полковник всё равно нам поручит исполнять, – добавил Валерий.

– А контролировать он будет.

– Ну, пусть контролирует, если имеет право, недовольно пробурчал Валерка.

– Я тебе нужен? – спросил Рустам.

– Нет. Спасибо, – ответил Валерий. – Сам справлюсь.

Рустам свернул за угол, зашёл в первый магазинчик. Достал из кармана скрученную трубочкой бумажку, полученную от старика: пятьсот рублей...

Профессор удалялся с места событий, вытирая вспотевший лоб платком, хотя стоял прохладный апрельский день. Встреча с незнакомым ментом его встревожила. Надеялся: авось пронесёт. Успел всучить пятисотку. Как вдруг тяжёлая рука опустилась на плечо. «Попался-таки!» – вздрогнул старик, сгорбился и прежде чем обернуться, провёл по лицу мятым платком...

В этой шашлычной для Рустама всегда берегли столик, спрятанный от посторонних глаз.

Чем больше слушал Рустам исповедь Профессора, тем больше мрачнел.

– Так, значит, не знаете, кто главный?

– Нет. Хотелось бы с ним встретиться, кое-что обсудить. Накипело. Платят в три раза меньше обещанного. Но он недосыгаем. Боится, очевидно, засветиться. И пожаловаться некому. Если, к примеру, в милицию обратимся, – нас же первых и посадят. Мы теперь – преступники.

– Паспорта-то у вас есть?

– Отобрали. Сказали на регистрацию, но уже почти год прошёл, – не возвращают. А скажи, сынок, сколько времени надо на регистрацию?

– Без паспортов не посадят.

– Правда? – обрадовался Профессор.

– Правда, – хмуро ответил Рустам. – Просто уничтожат, как будто и не было. Кто вас будет искать?! Деньги свои заберите. Меня награждать не за что: к вашей организации не принадлежу. Платите из своих кровных?

– Нет, на милицию отдельно дают. Сдаётся мне, ваш начальник тоже получает. За крышу. Небось, хорошо задабривают. Вот он-то наверняка знает нашего главного.

– Не соображу, чем вам помочь.

– Один Бог нам поможет. Ты вот что, сынок, осторожней будь! Тебе, поди, не легче, чем нам: угодил ты в волчье логово.

– Тебя Игорь ждёт, – сообщил Алексей, как только Рустам вернулся в отделение.

– Пока ты отсутствовал, твоя землячка сюда пожаловала. Красивая деваха, но малость диковатая. Может из-за неё вызывает?

– Если диковатая, то непременно моя землячка?

– Ну, что ты так сразу?! Игорь объявил. Причём, весь набульдожился. Приготовься!

Через полчаса Рустам вернулся от начальника злой и

красный. Тотчас принялся звонить отцу:

– Всё у меня в порядке. Не волнуйся. И мама пусть не волнуется. Лена оформляется в декретный. Чувствует себя нормально. Отец, зайди к соседям, спроси про Амину. Она оказывается в Москве. Приходила сегодня на меня жаловаться. Кому? – Моему начальнику. Не знаю. Понятия не имею. Ладно. Пока.

– Ты прав, Алексей! Не только дикая, но вообще сумасшедшая. Надо же такие небылицы наплести! Я, дескать, её соблазнил и оставил с ребёнком на руках. Игорь мне выговор влепил. Пригрозил ещё.

12-я часть

Соседи

Тотчас после разговора с сыном, ничего не поведав жене, Гасан отправился к соседям. Амиран и Саида копались на грядках. Увидев гостя, усадили за стол на веранде. Саида принесла вина и лепешки. Пока мужчины пили и ели, Саида хозяйничала возле дворовой печки.

– Хорошая погода, – сказал Амиран.

– Да, весна, как по заказу. Сады хорошо цвели. Абрикосов и черешни уродится много.

– Если заморозков не случится.

– Теперь не случится. Прошла их пора.

Соседи беседовали, как обычно, о том, о сём и ни о чём. Как будто встретились просто так. Но оба напряглись, предчувствуя подвох.

– А где твоя Амина? – спросил будто бы невзначай Гасан.

Амиран вместо ответа опустил голову. А Саида, услышав вопрос, отвернулась и заплакала.

– Да в чём дело? Что с ней? – Расскажи соседу. Разве не я первым приходил к тебе всегда на помощь?! Помнишь, как ты уехал на рынок, а твой сын сломал ногу? Кто его отнёс на руках до медпункта? А когда у вас сгорел амбар, кто по-

делился деньгами?

– Так ведь и я тебя всегда выручал, как брата родного.

– То-то и оно. Верно говоришь.

– Беда у нас, Гасан. Позор для семьи. Не знаю, как тебе и сказать.

– Пропала она два дня назад, – сквозь слезы проговорила Саида.

– И вы не знаете, где она сейчас? Жива ли?

– Предполагаем, что в Москву подалась. К Аслану, – ответил Амиран. – Мы нашли письмо от Аслана, он звал её в Москву. Зачем скажи незамужней девушке ехать к чужому мужчине да ещё в Москву?! Чуем мы с матерью беду. Амина – овечка, а Аслан – волк. Сам знаешь, сколько овец перерезал. И деньгами он её видно обеспечил, потому что у нас не взяла.

Все трое замолчали, только Саида тихонько всхлипывала, вытирая глаза кончиком платка.

Наконец, Гасан нарушил тишину:

– Так говоришь, никакой обиды на меня не таишь? А зачем же тогда, скажи, Амина пошла в милицию на Рустама жаловаться?

– Как? – Вскричали разом мать и отец. – Не может быть! Откуда ты взял?

– Рустам только что позвонил.

– Вот оно что, – пробормотал Амиран и побледнел, словно ему сообщили о смерти дочери. – Вот зачем он Амину

сманивал. Так я и знал. Чтобы её руками из огня угли таскать. Ах, злодей! Амина всегда любила Рустама, ты же знаешь. Он на её ревности и сыграл. Прости ты нас! Мы бы её никогда не пустили. Тайком сбежала из дому, чтобы злодею в его чёрных делах помогать. Она ведь жизни совсем не знает. Что же нам делать? Как её вернуть? Где искать?

– Я еду в Москву. Мы с Рустамом найдём Амину и вернём домой. Положись не меня, если веришь.

– Как тебе не верить, сосед?! Дать тебе денег на дорогу? Принеси наши сбережения, мать!

– С деньгами обожди. Если понадобятся, скажу.

– Рустаму от нас привет передавай. Объясни ему, как мы рассказали. Пусть он простит нашу дурочку. Никогда мы ему зла не желали. Никогда!

– Все сделаю, как надо, не беспокойтесь. Чует мое сердце беду и над Аминой, и над Рустамом.

13-я часть

Арест Рустама

А ещё через неделю случилось такое, что не могло при-
сниться и в самом страшном сне.

Только закончился обеденный перерыв. Алексея отпра-
вили на задание. Рустам остался один в кабинете. Внезапно
дверь распахнулась, и вошли Игорь, Валерий и ещё несколь-
ко сотрудников из тех, кто всегда готов услужить начальству.
Стали напротив. Валерка злорадно усмехался, другие избе-
гали смотреть Рустаму в лицо.

– Полюбуйтесь, – с издёвкой начал Игорь. – Вот грязное
пятно на нашем мундире, гнида, порочащая нашу честь...
далее следовали вообще нелитературные выражения.

Рустам встал и замер, ничего не понимая.

– Общайте его! – приказал Игорь, прекрасно исполняя
роль начальника. – В ящиках стола пошарьте! – Он задрал
подбородок, отчего разгладились жирные складки на шее, и
подобно Наполеону сложил руки на выпирающем брюхе.

Валерка и ещё один служивый стали выдвигать ящики,
вытряхивая содержимое на пол.

– Вы мне можете объяснить, что случилось? Что вы ищи-
те? – недоумевал Рустам.

– Это ты нам сейчас будешь объяснять. Ты будешь отвечать на наши вопросы! – парировал начальник, самодовольно ухмыляясь.

– Вот! – торжествующе произнёс Валерка, потряхивая пачкой стодолларовых купюр.

– И вот ещё, – добавил другой мент, вытащив толстую пачку пятидесятирублёвых банкнотов.

– Откуда денежки, а? – продолжал издеваться Игорь. – Видали жулика! Взяточник! Позоришь честь милиции! Арестовать его, чтобы не сбежал. В камеру к уголовникам! Там ему место!

Алексей узнал об аресте только к вечеру и зашел к Игорю выяснять о случившемся. В ответ услышал:

– К дружку захотел? Мы и до тебя доберёмся, погоди!

Служащие отделения вполголоса обсуждали события. Даже те, кто в силу каких-то причин недолюбливали Рустама, не верили в его вину. Назвать этого парня взяточником или вымогателем, всё равно что обозвать горбатым или хромым. На морде его кавказской большими буквами написано, что он честный и правильный. И если идти в разведку, то каждый, не раздумывая, выбрал бы в напарники именно его. Сам пропадёт, но друга выручит. Из огня, из-под бомбежки вынесет.

А начальник силён, если посмел так обойтись. Ходили слухи про этого Шавлова, что всё ему сходит с рук. Непо-

топляемый. Чей-то дражайший сынок или зятьёк. Шкурники с ним наживались. Честных беспощадно травил. Если ловили на месте преступления, следствие начиналось, но каждый раз Шавлов выходил сухим из воды. С такой репутацией он всем внушал неприязнь или страх. Никто не хотел с ним связываться себе во вред...

Алексей содрогался при мысли, какая участь ждёт мента, помещённого в камеру с уголовниками. Да ещё если дадут понять, что всё допускается и даже поощряется.

Нельзя терять ни минуты. Кажется, есть влиятельный человек в руководстве МВД, который взял Рустама на работу в Москве и хорошо знал его предков. Но где найти адрес или телефон? Возможно, Лена знает. Срочно позвонить, а лучше – поехать к ней.

14-я часть

Знакомство с Шилом

Дверь за спиной гроыхнула замком.

«Вот и конец, – промелькнула мысль. – Второй и последний раз. Больше воли не видать». Он так и оставался стоять спиной к двери, разглядывая сокамерников. А те оживились при его появлении.

– Гляди-кась, кто к нам пожаловал!

– Глазам не верю, – комиссар!

– Вот же ж потеха! Ну, согреемся сегодня! Гуляй, рванина! Жри, не хочу!

Переполненная камера кишела и смердела, как клоповник. Все те, кого он недавно выслеживал, отлавливал, сидели здесь. Не думал, что окажется в их шкуре. Не зря говорят: от сумы да от тюрьмы... Что же теперь будет?

– Ну, не дрейфь, легавый, проходи! Али тебе наша компашка не ндравится?

– Чо стоишь столбом, комиссар, проходи! Щца мы тебя оформим!

Коренастый парень, приблизившись к Рустаму, насмешливо пропел: Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты! – И как бы невзначай наступил на ногу.

Его сменил другой с куплетом: Зацвела сирень в моём садочке, ты пришла в сиреновом платочке, – и двинул кулаком в лицо.

Палачи подскакивали по очереди, кто с издевательской припевкой, кто молча, и все неизменно били. По одному разу. Чего торопиться?! Впереди – целая ночь. Можно забивать с растяжкой, с наслаждением.

Рустам оглянулся на дверь. Кто-то наблюдал в глазок. Но не вмешивался.

Значит, получил соответствующую разнарядку. Плохи дела. Никто не вступится. Что делать? Как бы поступил на его месте отец или дед? Дед, если твоя душа где-то рядом, помоги! Подскажи!

Не все принимали участие в жестоком развлечении. Некоторые оставались на нарах и даже не глядели в его сторону. А один зек, как видно, вообще дышал на ладан. Доживал остаток жизни. В переполненной камере он один занимал целые нары. Никто почему-то не садился рядом. Вероятно, последняя стадия туберкулёза. Буквально кожа, да кости. Он сидел, поджав колени, напоминая паука, у которого остались две пары конечностей. Доходяга следил за происходящим и странно ухмылялся. Радовался, очевидно, что кто-то околует раньше.

Удары с каждым разом становились всё больше. Особенно изощрялся коренастый. Рустам, до сих пор стоически переносивший побои, увернулся от кулака и вдруг сам двинул

нападавшего, да так, что сбил с ног.

«Защищайся, внучек! Покажи им, что ты не трусливый пёс, поджавший хвост! Не бойся никого! Лучше умереть достойно, чем жить пресмыкаясь».

Лучше умереть, – подумал Рустам. – В моем положении лучше умереть. Чтобы ни деду, ни родителям, ни Ленке, ни моего сыну никогда не было за меня стыдно...

Коренастый, поднимаясь на ноги, процедил сквозь зубы: ах, ты так?! Замахиваться будешь? Здесь наша территория. Не путай, легавый! Наше время настало! Мы те щчас покажем, как зеков уважать надо! Мы тя научим. Скрутить ему руки!

Несколько человек повисли у Рустама на руках, заставив упасть на колени. Ещё мгновение и руки заломлены за спину.

Глазок на двери вспыхнул жёлтым светом. Кто-то отошёл и снова припал, чтобы подглядывать. А может, чередуются вертухаи. Устроили себе зрелище.

– Ну, кацо, щчас мы тебя оприходуем, – усмехаясь произнёс мордатый мужик с оттопыренными, как у Чебурашки, ушами. Он уже расстегивал штаны.

– Я первый, – отпихнул его коренастый, поспешно выпуская наружу «дракона». – Рот ему расщемите! Вставить кляп, чтобы не закрывал.

Рустам решил, что скорее умрёт, чем разожмёт зубы. Будет защищаться головой. До конца. Вспомнил приём, кото-

рому научил дед. Если резко рвануть головой, очень резко... Прощайте, дорогие и любимые. Встречай внука, дед.

Он не заметил, как подкрался доходяга, похожий на паука, и тихо прошамкал:

– Зачем кляп, когда уши есть, и опять же нос?

Рустам застыл от ужаса. А паук неожиданно сгреб ухо наголо парня. Тот взвыл и поднял руки. Штаны рухнули на землю, вызвав взрыв приглушённого смеха.

– Чего скулишь? – удивился паук. – Али больно? А вот комиссар не скулит. Почему? Потому, что мужик. А ты выходит – вафля. Отставили спектакль! Будя! – Обратился он уже ко всем, и, не торопясь, вернулся на своё место. Палачи нехотя побрели к нарам.

Дверь неожиданно отворилась. Два охранника подскочили к пауку, схватили под руки и уволокли. Все притихли.

Рустам сел на краешек опустевших нар. Никто не возражал.

Неизвестно, сколько прошло времени. Часов в камере не было. Дверь опять отворилась. Паука швырнули на пол. Он лежал, в той же позе, в какой сидел на нарах: согнувшись и поджав ноги. Ни движения, ни стона. Зеки снова застыли, не сводя с него глаз. В мёртвой тишине кто-то шмыгнул носом, кто-то почесался. Паук не шевелился. Тогда подошел коренастый и насмешливо произнёс: «получил своё, околеванец?» Он хотел было пнуть мёртвое тело, уже занес ногу, но вдруг согнулся пополам от резкого, как ток, удара.

– Ку-ку! – чуть слышно прошелестел паук.

Рустам поднялся, чтобы перенести его на нары. Ещё несколько человек подошли подсобить.

Коренастый показал себя последним олухом. На что считывал?! Паук считался на зоне авторитетом непререкаемым. В тюремных документах числился под именем Кузьмина Ивана Кузьмича. В местах заключения, где провёл почти всю жизнь, получил прозвище «Шило». За удобу и пронзительные удары. Дохлый с виду, он обладал невероятной силой. Жилистые руки и ноги его били как стальные прутья по больным точкам. Рецидивист. Прославился ещё и тем, что за всю жизнь никого не заложил. Считался справедливым. Не давал в обиду новичков, особенно молодых. Но предателей, умел прищемить. Научился преодолевать боль, сжимаясь в комок. Слухом обладал феноменальным. Никому не удавалось застигнуть его врасплох. Даже ночью, когда храпел, как все. Но стоило кому-нибудь приблизиться, Шило подскакивал точно пружина. Это вызывало шок.

Среди охранников приобрёл и заклятых врагов, и друзей. О нём толком ничего не знали. Исповедоваться не любил. На слухи о себе реагировал коротко: брехня!

В последний раз его задержали за попытку ограбить модный бутик. Он спрятался внутри картонной коробки, свернувшись, подобно фокуснику, но номер не прошёл: охрана заметила и сдала в милицию.

Может когда-то он выступал в цирке? Судьба каждого че-

ловека полна загадок и тайн...

Шило, казалось, не переживал, что снова за решёткой. К тюремной жизни привык и приспособился. Она стала его стихией, как аквариум для гуппи.

Рустам пришёлся ему по вкусу. Он любил таких, кого легче убить, чем сломать. Поэтому самозабвенно снёс за него жестокие побои. Кроме того, знал, что завтра дежурят охранники-друзья, которые зададут Прыщу (так кликали на зоне наглого крепыша) по полной.

Опытный зек сразу смекнул, что менты бросили к ним своего из мести. Видать этот кацо не гнилого замеса.

И последняя немаловажная причина, по которой он не мог не вступить. Годы заключения помешали обзавестись семьей. Все чаще он жалел, что не завёл детей, хотя бы одного сына. А от такого, как Рустам, не отказался бы.

13-я часть

Этот чёрный Мерседес

Кто-то позвонил в дверь. Перед Леной стояла сотрудница Рустама Нина. Она никогда их не навещала. Зачем пришла? Что-то случилось с Рустамом?

Она так и спросила. Нина ответила не сразу:

– Пришла предупредить тебя, что Рустам уехал в командировку. Секретную. Знают об этом немногие. Когда вернётся, не известно. Главное, – не волнуйся, все будет нормально!

Нина, как и все, была шокирована арестом Руслана. Она не сомневалась, что шеф убрал с дороги того, кто может помешать в грязных делишках.

Нине, девушке с яркой наружностью, поклонников хватало. Но её угораздило влюбиться в дагестанца. Сколько раз они просыпались вместе вот в этой комнате! Вместе собирались и ехали на работу. Нина мечтала о свадьбе и всё чаще заводила об этом разговор. Уже и платье подбирала. Рустам же быстро перегорел и охладел. Чтобы отомстить, Нина закрутила любовь с начальником, Игорем. Но результат оказался совсем не таким, какой ожидала. Рустам вообще стал её сторониться. А остальные сослуживцы, мягко гово-

ря, не особо любившие Игоря, стали презирать. Знать бы им, что у неё самой Игорь вызывал тошноту. Но отступить было поздно. Игорь вошёл во вкус и распорядился, как наложницей. Познакомил с женой, чтобы заниматься любовью втроем. Нина впервые попала в престижный квартал: шикарная квартира, итальянская мебель, столовая с баром, как в ресторане.

Никак она не могла уразуметь, почему жена до сих пор не сбежала от такого распутника?! За роскошную жизнь цепляется или сама такая же. Вполне возможно, что жена Игоря также нелестно думала о Нине.

И вот теперь она примчалась поддержать Лену, зная, что та ожидает ребёнка. Рустама ей не спасти, так хотя бы защитить его семью. Торопилась первой сообщить версию о «секретной командировке», чтобы успокоить. Пусть Лена не верит другим: никто толком ничего не знает, каждый болтает своё.

По дороге у метро купила слоёные пирожки с черникой и клюквенную пастилу. Предложила вместе попить чайку. Лена согласилась, хотя не очень охотно.

Они сидели за столом. Разговор не клеился. Нина старалась держаться весело и непринуждённо, при этом не переставала удивляться, что нашёл Рустам в этой девчонке. Рыба бесцветная. Хотя... если подвести глаза, подрумянить щёки... Возможно, она и красилась до беременности. Теперь,

конечно, не до макияжа: пузо до носа достаёт.

Не смогла не похвалиться, что жила с Рустамом некоторое время в этой квартире. Лена и бровью не повела. За всё время едва произнесла несколько слов. Потом вызвалась проводить гостью до остановки. Якобы собирается что-то купить.

Нина уехала на автобусе, а Лена всё шла и шла вдоль по улице. Не хотелось оставаться в квартире, где Рустам любил другую женщину. Её Рустам. И эта странная командировка. Почему сам не предупредил? Мог бы позвонить. Почему не Алексей, друг Рустама, а Нина пришла? Что-то тут не так. Хотя работа в милиции – вечные неожиданности и риск. До чего эта Нина вульгарная! Как может такая работать в милиции?! Но самое невыносимое: её любил Рустам.

За переходом, на другой стороне улице – Шоколадница. Можно зайти, заказать мороженое и раствориться среди людей, спрятаться от пустоты и одиночества.

Подошла к зебре. Светофор горел зелёным. Направилась через дорогу, перебирая в памяти слова Нины, и совсем позабыла, где находится и куда идёт. Светофор сменил зелёный свет на жёлтый, потом на красный. А Лена всё шла в забытьи, сердясь то на Нину, то на Рустама.

Машины тронулись с места. В тяжёлом, как танк, внедорожнике Форд молодой человек болтал по мобильнику с девушкой, убеждая прийти вечером в гости: ну, ты чо, Жан?. Ты прям меня удивляешь.

Сейчас он не видел ничего кроме лица желанной подруж-

ки. Сдвинул с места тяжёлый вездеход и ринулся вперёд, не прекращая разговора: ну, если я очень попрошу, Жан.

Лена неспешно, но верно направлялась наперерез Форду. Казалось, столкновение неизбежно, тщетно заскрежешут обезумевшие тормоза и...

Ах, ты же! Опять этот Мерс! Заворожённый Голован во все глаза следил за маленьким юрким авто. Ну, красавчик! Как уверенно снуёт в потоке машин чёрная лакированная рыбка!

Тонированные стёкла скрывают водителя, но Голована не проведёшь. Он точно знает, что за рулём его двойник, только помоложе. Опытные руки спокойно лежат на баранке. Стой, что это?!

Чёрный красавец вдруг выразил беспокойство: громко засигналил, замигал задними фарами, притормозил и буквально выдернул с дороги, как репу с грядки, зазевавшуюся беременную бабёнку. Вовремя успел! Иначе нахалугоа-джип сбил бы насмерть будущую мамашу.

Лена не успела понять, как очутилась в машине. Ещё мгновение и Мерседес продолжил свой путь в нескончаемом потоке.

Разбуженный пронзительным клаксоном парень в Форде умолк на полуслове, уставившись на дорогу. Лицо его вытянулось и побледнело: Блин, я же её чуть.

Матерь божия, как же я её не заметил?!

13-я часть

Аллочка

Истомившись ждать под дверью, она присела на ступеньку. Грустно вздохнула. Вынула из пакета пирожок.

Так получилось, что её колледж располагался неподалёку от дома, где жила ленина мама. Она забегала помочь по хозяйству, в основном принести что-нибудь из магазина. Дарья Петровна, скучающая целыми днями одна, радовалась визитам Аллочки. Угощала вкусностями, а порой просила отвести что-нибудь дочери и зятю. Аллочка охотно соглашалась: хороший повод навестить Рустама, которого она обожала.

Она насытилась у Дарьи Петровны, и надкусила пирожок от нечего делать, чтобы как-то скоротать время. Попался с яблоками. Были ещё с картошкой и с капустой. Привезла гостинцы, а дома никого.

Ещё из окна троллейбуса она увидела шедшую к остановке с какой-то женщиной Лену. Надеялась, что Лена скоро вернётся. Время шло, а она всё не возвращалась. Может, Рустам придёт пораньше. Внизу громыхнул лифт. Сама не зная почему, Аллочка торопливо взбежала вверх по лестнице.

Лифт остановился там, где она только что сидела. Осторожно заглянула вниз: незнакомец направился к квартире

Рустама. Голова чёрная, как у негра, а руки белые. Да это же маска! Аллочка отпрянула к стене, затаив дыхание. Человек в маске возился у двери. Ещё бы! Не так легко открыть чужой замок!

Едва незнакомец скрылся за дверью, Аллочка вызвала лифт, чтобы спуститься вниз: надо было встретить и предупредить Рустама или Лену. Выбегая из подъезда, наткнулась на Алексея.

– Ой, как ты вовремя! Там бандит. В чёрной маске...

– Где? У Лены?

– Лены дома нет. Она провожала женщину-милиционершу, когда я приехала. И что-то долго не возвращается. Я заждалась.

– У милиционерши чёрные волосы и ярко покрашенные губы?

– Да.

– Похоже на Нину, – размышлял вслух Алексей. И обращаясь к Аллочке: В какую сторону они пошли?

– Милиционерша, по-моему, уехала на автобусе. А куда делась Лена, не знаю...

– Я сейчас вызову подмогу, а ты покачайся на качелях и следи за подъездом. Узнаешь, если появится без маски?

– Думаю, да.

– Когда выйдет, дай мне знак.

– Я достану пирожок и начну есть. Ленина мама напекла. Хочешь? Есть с картошкой.

– Потом. Занимай позицию!

Мало того, что Аллочка достала пирожок, так она ещё громко запела: сяду-ка я на пенёк, да съем-ка.

Алексей вышел из укрытия и пошёл за парнем в чёрном спортивном костюме. Маски на нём уже не было. Не спутала ли Аллочка? Парень направился к остановке. Поднялся в подошедший автобус и оглянулся. Это был. Валерка! Взгляды их встретились, и Алексей невольно поднял руку для приветствия. Валерка лениво ответил тем же.

– Ты не ошиблась? Точно его видела у дверей Рустама? – расспрашивал Аллочку Алексей, вернувшись во двор.

– Не ошиблась, – обиделась Аллочка. – У него чёрные штаны с белыми лампасами и белые кроссовки Адидас с красными шнурками...

Алексей стал звонить на мобильный:

– Автобус 137 в сторону вокзала. Чёрные спортивные штаны с белыми лампасами, белые кроссовки Адидас. С красными шнурками. Валерий Засохов. Подозревается во взломе и ограблении квартиры служащего ВМД, Рустама Шомаева...

Совсем не ожидал он наткнуться здесь на Алексея. Хотя ничего удивительного: друг Рустама. Теперь жди неприятностей... Валерка так расстроился, что не сразу заметил прицепившийся хвост. Мужик, рванувшийся вперёд при выходе

из автобуса, вдруг оглянулся и схватил его за руку.

– Эй, ты чего? – Валерка попытался вырваться, но кто-то сзади заломил свободную руку за спину.

– Вы чего? – Валерка со злобой ругнулся. – Знать надо, на кого замахнулись! Я может в ментовке работаю.

Один из мужиков сунул ему под нос удостоверение: ГУСБ МВД. С такими лучше не связываться. Валерка мгновенно почувствовал слабость в коленках и озноб.

– Не имеете права! Что я такого сделал? Где доказательства, свидетели? – забормотал он, озираясь по сторонам, словно ища заступника. Он знал, что «игра» с машинами рано или поздно плохо закончится.

Мужик что постарше надел на него наручники и спокойно ответил:

– Доказательства? Сейчас поищем в твоих карманах.

Валерка всё бы отдал, чтобы провалиться сквозь землю. Не со стыда, а со страху. Он слишком торопился, чтобы переложить деньги из конвертиков с надписями «Рустам» и «Лена». Так и запихнул их в карман. И командирские часы Рустама, подарок деда, прихватил. С дарственной надписью Министра МВД. Давно на них зарился.

– Так, так, – процедил сквозь зубы мужик, который постарше. – Сослуживца обокрал? Знаешь, кто ты после этого?

– Гнида, – презрительно уточнил второй.

– Я не знаю, откуда это взялось! – заартачился Валерка. – Вы сами мне подложили.

– Говоришь, мент? А знаешь, что враньём усугубляешь вину?

– Не учи учёного! – Огрызнулся Валерка. – Куда вы меня ведёте? Я жаловаться буду.

– Доставим, куда положено. Слышь, он ещё жаловаться собирается! Кому, спрашивается?

– Ну, как же, своим господам: чёрту с дьяволом.

Тем временем к дому Рустама подъехал по вызову друг Алексея, Виктор. Вместе с Аллочкой поднялись к квартире. Дверь оказалась запертой. Вот так дела! Алексей был уверен, что взломщик оставил дверь открытой. Необходимо проверить до возвращения Лены, что там внутри. Но как войти в квартиру, если нет ключей?

– Чем мы хуже Валерки?! – усмехнулся Виктор. – Он же наверняка мастер-ключ использовал.

Он тут же попросил по телефону срочно подвести мастер-ключ.

Ещё минут через двадцать вошли в квартиру.

Пострадал только письменный стол Рустама: ящики выдвинуты, а их содержимое – на полу. Что искал Валерка? И что нашёл? Доложит, что нашёл, к примеру, деньги или наркоту. Тщательно осмотрели квартиру. Ничего подозрительного. Виктор сделал фото.

Решили, что Лену сюда пускать пока нельзя. Надо как-то уговорить, чтобы пожила у матери. Но напрасно Алексей

пытался ей дозвониться. Телефон не отвечал. У матери её тоже не оказалось. Где она могла быть? Только бы с ней ничего не случилось! Зачем сюда приходила Нина? Рустам с ней когда-то встречался... Поспешила сообщить зловещую новость сопернице?

Алексей что-то отвечал невпопад Аллочке, провожая её до колледжа, а сам ломал голову над тем, что произошло и как спасти друга. Несомненно, Валерка действовал по приказу Шавлова. Где искать управу на этого негодяя?!

– А к тебе мама приезжала, пока тебя не было, – сообщила Варя, соседка по комнате. – Не дождалась. Уехала. Какая она у тебя классная! Не мама, а старшая сестра: стройная, модная, на шпильках, в юбочке мини. А какие ногти – отпад!

– Накладные, – нахмурившись, уточнила Аллочка.

– Волосы шикарные!

– Нарощенные.

– Ты, наверное, тоже мечтаешь артисткой стать, как мама?

– Совсем нет. Я буду модельером. Если получится.

– Ой, если бы моя мама была артисткой, я бы тоже в артистки пошла!

– А кто тебе не даёт? Поступай в театральное. Будешь работать в театре, а может, в кино сниматься пригласят.

– Твоя мама снималась в кино?

– Нет, не пришлось. Хочешь пирожки попробовать? Только понюхай, как пахнут! Сами в рот просятся.

– По дороге купила?

– Дарья Петровна напекла, свекровка Рустама. А может, тёща. Как правильно-то? Вечно путаю. Попросила отвезти, а там такое.

И Аллочка принялась рассказывать подружке о том, что произошло на её глазах.

– Ух ты! – ужаснулась Варя. – А тебе не было страшно? Вдруг бы бандит на тебя напал.

– Там нет, а теперь страшно. Хорошо, что Алексей вовремя подоспел. А бандит тоже, кажется, в ментовке работает. Представляешь?!

– Прямо детектив! А пирожки и вправду очень вкусные. Можно ещё?

– Ешь, вон их сколько! Завтра весь класс угостим. Не хочу, чтоб с Рустамом что-нибудь плохое случилось... или с Леной.

– Ты маме не хочешь позвонить?

– Обойдётся. Когда я с ней жила, не очень-то обо мне заботилась. Чего вдруг надумала приехать. Ты алгебру подготовила? Дашь списать? А я тебе с английским помогу.

14-я часть

Отец Рустама в Москве

Апрельское солнышко не ленилось пригревать землю. Накануне Вербного воскресенья у метро продавали вербочки. Люди, уставшие от холодов, радовались пробуждению природы и охотно раскупали красные тонкие прутики, покрытые серебристыми комочками.

Журналист Геннадий Чародеев шёл по Тверской. Зоркий корреспондентский глаз различил человека, который резко диссонировал с окружающими: брёл неровными шагами, ничего не замечая и не слыша. Волосы с проседью, словно покрылись инеем. Красивое волевое лицо. Такие вытачивают из гранита. А в глазах – мучительная боль.

Поток людей обтекал его с двух сторон, торопясь по своим делам. Тысячи людей проходили мимо, и никому не было до него дела. Лишь милиционеры останавливали порой, требуя предъявить паспорт. Поначалу он радовался их вниманию, пытался объяснить, дружески улыбаясь, что сам служит в милиции, только не в Москве, а в Дагестане.

– В Дагестане?! – многозначительно повторяли проверяющие. А московская регистрация имеется? Пройдём-ка в отделение!

Поняв, наконец, чего от него хотят, без лишних слов стал «отстёгивать». Денег оставалось всё меньше, а горечи в душе всё больше. Нет правды в Москве, – значит, нет её нигде.

Геннадий Чародеев оглянулся, остановился в задумчивости. Потом решительно догнал и прикоснулся к плечу:

– Могу чем-нибудь помочь?

Человек вскинул на него усталый взгляд и невольно произнёс:

– Горе у меня большое.

– Чародеев, – представился Геннадий. – Чародей! Именно тот, кто вам нужен!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.